

Мария Бережная

Про людей...

12+

Мария Бережная

Про людей...

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39495451

SelfPub; 2023

Аннотация

С каждым из нас все время что-то случается. Каждый день, каждую минуту. Мы влюбляемся, переезжаем, решаем изменить всю свою жизнь и меняем её, или, наоборот, застываем в одном мгновении на года. За чашкой кофе, рождаются новые гении, наполеоновские планы по покорению вселенной, или острое желание приготовить что-нибудь вкусное для того, с кем еще вчера решили порвать навсегда. Многие из этих рассказов раньше выходили в журналах, разлетались, терялись, находились, помогали писать новые истории и находить новых людей, чудиков, чудеса и дороги...

Содержание

Город	10
Уличная девка и скрипач ограбили пельменную	10
Дружба	16
Надежда! Противная девчонка!	21
Свадебные фотографии	24
Соня	36
Иннокентий?	39
Слушатель	44
Обычная сказка со счастливым концом	47
Неудобные туфли и счастливая лужа	58
Платье	64
Лимонный пирог с сахарной пудрой	66
Кри-кри	70
Продавец молока с Церковной улицы	77
Хороший день, чтобы не умирать	83
Ангел с улицы Пикадилли	86
Друзья	90
О чём-то важном	93
Откуда прилетала Утка?	101
Разные языки	108
Не меньше тысячи рассветов	113
Как закипели страсти	119

Мария Бережная

Про людей...

Сборник рассказов

Про людей и дороги. Посвящается О. Генри

В детстве мне подарили толстый зеленый том рассказов писателя О. Генри, и когда я прочитала эту книгу в пятый или шестой раз, я решила, что обязательно попрошу эту книжку положить с собой в гроб. Это не пессимизм, я была уверена и уверена, что вместе с этим томом мы проживем долгую и счастливую жизнь, он выйдет вместе со мной замуж и вместе с ним я отправлюсь рожать детей и только потом, когда я уже буду настолько старой, что не смогу снять его с полки, я попрошу самого младшего внука принести мне потрепанную зеленую книжку, сяду в кресло и уйду туда, где жители большого города давно уже решили все свои проблемы, где, наконец-то состоялись запланированные свидания и Дары Волхвов¹ пришлись невероятно кстати. Странные мысли для ребенка, но я была уверена, что найду автора там, наверху, и попрошу продолжения. Потому что человек, который начал писать о людях вокруг, однажды, уже никогда не сможет остановиться. Он просто не сможет перестать пи-

сать, ведь людей много, значит, и рассказов о них должно быть много.

С каждым из нас всё время что-то случается: мы влюбляемся, переезжаем, решаем изменить всю свою жизнь к лучшему, и меняем ее, но не в худшую сторону, а просто по-другому. За чашкой капучино в кафе рождаются новые гении, наполеоновские планы по покорению вселенной и острое желание, приготовить что-нибудь вкусное для того, с кем еще вчера решила порвать навсегда.

По пути на работу не происходит, казалось бы, ничего, но именно в этот момент «ничего» происходит все.

Мама пришивает сыну пуговицу к рубашке и сама того не зная, пришивает ему карьеру ведущего брокера, потому что именно за эту пуговицу его заметит девочка ради покорения которой он подготовит лучшую работу на школьном смотре талантов и выяснит, что самое волшебное, что может быть в этом мире – это движение цифр.

Девушка, зачитавшая любимую книгу до дыр и знающая наизусть, каждую страницу перед каждым неудачным свиданием, а она уже знает, что оно неудачное, потому что в той книге есть рассказ про такую же девушку как она... Которая, собиравшись на свидание вдруг понимает, что не может вот так пойти и бросить того, чей портрет висит у нее на стене и

кого она с раннего детства считала лучшим мужчиной в мире и не идет, но обидевшись, поворачивает портрет лицом к стене, решает, что на ней лежит порча. И живет себе с этой порчей душа в душу, пока в ее жизни не появляется тот, кто тоже любит этого автора и знает наизусть каждую страницу и, помня, что произошло в том рассказе он не дает ей маневра для отступления и внимательно следит, чтобы на стенах ее дома не появились портреты посторонних героев.

Нет ничего более волшебного, чем люди вокруг, в нашем каждодневном, ежеминутном существовании. В мелочах, движениях, облаке волос, улыбке, брошенных ключах на тумбочке, забытом галстуке, потерянном пенни. Это самое прекрасное, что может быть.

Поэтому я посвящаю эту книгу тому, кто научил меня все это видеть. И помня о том, что, однажды начав писать про людей остановиться нельзя, я возомнила себя немного... продолжателем дела. Та темно зеленая, с простыми белыми буквами на обложке и сладко пахнущими старой книгой страницами, книга так и лежит у меня прикроватной тумбочке и я превращаюсь в дикого зверя, если вдруг не нахожу ее там, так что домашние на всякий случай не рискуют...

Рассказы в том зеленом томе были собраны в разделы, в которых собраны лучшие рассказы, принадлежащие к тому

или иному сборнику.

И я, с помощью моих читателей решила поделить рассказы из сборника на разделы.

В разделе **«Город»** – истории, в которых города временами становятся чуть ли не главными героями сюжета, и они очень-очень хотят помочь и подсказать, и помочь. Города так волнуются за своих людей, что того и гляди, передвинут улицы, лишь бы двое встретились. Кто-нибудь не опоздал на работу, а кто-то перестал заниматься ерундой и, наконец-то зашел в магазин через дорогу, чтобы сказать самое главное.

«Чудеса» – случаются и будут случаться с героями этого раздела.

«Наши люди» – Это истории о чудаках. Тех самых, которые ходят по улицам, считают ворон, собирают ключи и делают из них птиц, играют на всех видах музыкальных инструментов и, как водится, знают об этом мире гораздо больше, чем все остальные.

«Дорога» – дорожные истории, которые начинают случаться в тот момент, когда собираешься выходить их дома и продолжаются до тех пор, пока есть желание куда-нибудь ехать, пусть даже просто на работу или на воскресный пик-

ник в парк.

Город

Уличная девка и скрипач ограбили пельменную

– Нет, ты только прочитай этот заголовок! – смеясь, она положила перед ним на стол газету, чьи желто-серые листы и броские заголовки подтверждали ее право носить титул «желтая пресса».

На первой странице чернел заголовок: «Уличная девка и скрипач обокрали пельменную».

– Интересно, а почему они не написали, сколько пельменей мы оттуда унесли? – спросил он, улыбаясь, по обыкновению, одними глазами и подпирая рукой небритый подбородок.

Он всегда улыбался только глазами. Сказать, по правде, именно его взгляд и улыбку в глазах, она и заметила первым делом. А вообще, бросалось в глаза, что скрипач, прозванный на улицах «Смычок», был очень похож на старую швабру. Так уборщицы, когда заканчивают убираться, оставляют

швабру в ведре – щеткой вверх, вешая на перекладину тряпку. Чтобы высохла. Так и Смычок: вечная черная хламида – старый, вязаный кардиган, сейчас, с ее помощью, на локтях кофты появились кожаные заплатки, длинные, черного цвета волосы, до плеч и старая шляпа – котелок, лоснящийся от грязи и многочисленных чисток.

Из-за черной щетины, казалось, что его лицо вечно грязное, а обрезанные шерстяные перчатки на руках все равно не скрывали, какие длинные и тонкие у него пальцы.

Только глаза на этом лице были живыми. Ярко голубые, казалось, видевшие все на этом свете, всегда продолжали улыбаться.

Она тешила себя надеждой, что, когда Смычок смотрел на нее, его глаза так ярко сияли от любви. Она знала, что, как и у всех у него была своя длинная история и он гений.

Хотя... Когда-то она была балериной. Вернее, собиралась ей быть. Потом учителем, потом еще кем-то и еще и, в конце концов, она тоже пришла на улицы. Где-то торговала своим телом, где-то нанималась делать самую грязную работу – мыть уличные ступеньки, убирать проходные и подъезды.

Но ничто не могло стереть улыбку с ее губ. Она улыбалась всей собою. Своей душой, своим сердцем, которое, несмотря не на что не обросло твердой коростой злобы и презре-

ния. Ямочками на щеках, полными губами, даже если они были разбиты, глазами цвета крепкого чая. По утрам, она, возвращаясь в свою дворницкую каморку, улыбалась солнцу и детям, идущим в школу, и дети всегда улыбались ей в ответ. Время от времени у нее на лице, как подарки от очередных клиентов, появлялись синяки и им, глядя в зеркало, она тоже улыбалась, зная, что они пройдут, а все остальное – останется.

Она всегда улыбалась его музыке.

А он боготворил ее.

У него было только прозвище, свое имя, он забыл, за ненадобностью.

А нее было только имя, которое звучало через чур, даже для нее – Виктория. Сначала, когда она была только уборщицей, она стала Вики, а когда вышла на улицу, то превратилась в совсем уже короткую Ки.

Они даже не познакомились по-настоящему. Летом ее наняли убирать один подъезд, за удивительно нормальные деньги. По утрам, она мыла лестницу и лифты, а он приходил в парк, через который она шла на работу. После уборки слушала его. А он любовался ею.

Как-то раз, она поздно ночью, зачем-то пришла в парк. Смычок уже ждал ее на мосту.

Она не сказала ему, как мечтала, чтобы сегодня ее ждал

именно он.

А он не сказал ей, что приходил на этот мост каждую ночь.

Возможно, Ки когда-то мечтала о ком-то более богатом и гораздо более красивом. Вполне, вероятно, что даже был принц. Но позолота на уздечке белого коня со временем поблекла, да и зачем ей принц, когда у нее, теперь есть король? Король со скрипкой.

Возможно, когда-то Смычок, мечтал о славе и самой красивой женщине на планете, которая каждый вечер, приходила бы на его концерты и ждала бы его дома. Но теперь у него была Ки и никто во всем мире больше не умел улыбаться так, как она.

Они решили переехать в другой город. Отпраздновать таким образом начало своей новой жизни и то, что они теперь есть друг у друга. У нее был старый, клетчатый чемодан, а у него футляр со скрипкой и кем-то оставленная на помойке сумка от контрабаса, куда прекрасно поместилось все его и немного ее имущество.

В новый город они решили пойти пешком. Лето позволяло. Он играл на улицах, а она собирала деньги в его котелок. Иногда ночевали в брошенных домах, а иногда их пускали в самые дешевые комнаты мотелей за то, что Ки потом уби-

ралась там.

В конце концов, один из многочисленных шумных мегаполисов принял Ки и Смычка. Они сняли настоящую квартиру! Вернее, Чердак, если быть до конца честными. Но это был только их чердак, и только их крыша.

И да, они действительно ограбилипельменную. Перед тем как переехать, в последнюю ночь, в старом городе. Увидели, как какой-то хулиган разбил стекло и сбежал. Смычок и Ки постояли немного, подождали... Сигнализация не кричала, никто не бежал спасать несчастнуюпельменную от поругательств. Он снова улыбнулся ей одними глазами, и они спокойно вошли в пустое помещение. Она нашла кофе и сварила им крепкий эспрессо в настоящей кофе машине! Не той, в которой варили кофе клиентам, а той, что стояла у хозяина в подсобке. Кстати, кофе, Ки взяла оттуда же. А он, приготовил вполне сносный ужин из найденных в холодильнике продуктов. Оставив записку с благодарностями, мятую десятку купюрой, два доллара монетами, и шпильку с розочкой, все богатство, что было в их карманах, они прихватили несколько пакетов с замороженнымипельменями и пирожками и ушли.

Возможно, что их кто-то увидел, а может быть, они сами подписались, шутки ради.

Наступало утро.

Она улыбнулась солнцу, а он взял ее за руку. В новом городе их ждало много всего интересного и их собственный Чердак.

Дружба

Я всегда был уверен, что мой пес меня не любит. А что? Ведь нигде же не было написано о том, то собака обязательно должна любить своего хозяина. Вот мне и досталось это исключение. Хотя, по идее, он, наверное, все же испытывает ко мне какие-то чувства, скорее всего благодарность. Думаю, что именно поэтому он меня и терпит рядом. Возможно, что мой пес в прошлой жизни был котом и в этой, решил не изменять своим убеждениям и привычкам.

Пожалуй, что вся эта история началась, когда я познакомился со своей очередной «любовью на всю жизнь», что я могу поделаться, что если я что-то нахожу, то всегда уверен, что это единственное лучшее и навсегда?

Если я пробую новый сорт кофе и он мне нравится, то всегда нравится так, что мне тут же начинает казаться, что этот кофе я буду пить до конца жизни и он мне настолько не надоест, что даже на своих похоронах, тихим шепотом из гроба я все же попрошу своего лучшего друга налить мне чашечку кофе, на дорогу. Если влюбляюсь, то так, что мысленно уже сижу с ней, лет через шестьдесят на крыльце нашего общего дома и планирую, что подарить на Рождество праправнукам.

У моей бывшей девушки была невероятная семья, раскиданная по всему миру, большой старый дом и пес, королев-

ской породы – Корки. Мне он сразу показался невероятно милым – этакий улыбающийся пуфик, с большими ушами и таким же большим сердцем. Ага. Сердцем. Ну-ну. С первой минуты нашего знакомства он давал мне понять, что терпит меня, сам не понимает почему. Возможно, из любви к хозяйке, которой его подарил начальник на работе, и которая вообще не понимала, что с ним делать. Поэтому я гулял с Патриком, кормил его. Разговаривал. И, когда моя бывшая девушка, неожиданно объявила о нашем расставании, и о том, что она улетает к сестре и уже нашла там себе дом, работу и новую жизнь, в которой мне нет места, не смотря на то, что мы прожили вместе уже три года, через два дня я вернулся в ее дом за Патриком. Которому, как оказалось, тоже не было места в ее новой жизни, и она решила, что лучше будет, если «наша» собака останется со мной.

Так мы и живем.

Патрик встречает меня с молчаливым неодобрением, когда я прихожу с работы.

Когда мы гуляем по Плантам, парковому кольцу вокруг Старого Города, или идем на наш дальний маршрут: через весь район к набережной и Зеленому мосту, я честно рассказываю, как прошел день, а Патрик молча слушает. Иногда широко зевает, когда моя болтовня ему надоедает. Иногда порывивает на голубей, когда те перебегают нам дорогу, иногда, просто разворачивается и идет домой. Значит, про-

гулка уже окончена.

Не обольщайтесь. Он не грустит по хозяйке. Просто бывший «наш» и теперь уже окончательно мой пес – ворчливый зануда.

И я его понимаю. А вот чего я не понимаю, почему все говорят нам, хорошо, мне, что мы, ну хорошо-хорошо – я, должны начать радоваться жизни?

– Какая у вас замечательная собака! – с чувством воскликнула сегодня, когда я сидел на скамейке, подставив нос весеннему солнцу, а Патрик был где-то рядом, веселая девушка, которая, судя по спортивной одежде, решила выйти на пробежку.

– А?

– Вы сидите в совершенно одинаковых позах, подставив носы солнцу! – объяснила она. Мы с Патриком посмотрели друг на друга и, мне кажется, еще почти синхронно покачали головами, показывая, что с этим скучным типом у меня не может быть одинаковой позы.

Мы вообще по-разному смотрим на мир.

Девушка попыталась погладить Патрика, но тот с ворчанием заполз под скамейку.

– А вы знаете, что тут, неподалеку, открыли площадку для дрессировки собак? Говорят, что это какая-то новая школа,

где, чуть ли не лучшие в Кракове дрессировщики работают! Вы с ним сразу начнете радоваться жизни! – девушка все же погладила Патрика, и убежала, всем своим видом выражая радость. К жизни, парку и двум стар...Холостякам на скамейке.

– Пойдем, посмотрим, на эту площадку? – предложил я. Судя по тому, что мой пес не развернулся и не пошел в сторону дома, он был, в общем, не против. И мы пошли.

На площадке было... Весело. Три мастера дрессировки в одинаковых комбинезонах гоняли по разным заданиям нескольких лабрадоров, дога и пуделя. Хозяева учились выполнять команды вместе с ними, приучая собак к себе.

Все было как-то... Наполнено энтузиазмом и весельем.

Мы с Патриком переглянулись и одновременно повернули в сторону дома...

У нас были другие дела. Пересчитать и порычать на каждого встреченного голубя на Старой площади. Купить брецел и съесть его напополам. Послушать Хейнала и в который раз возмутиться, что он совершенно не умеет играть на трубе. Заварить кофе и сесть за работу, а кое-кому полежать под рабочим столом, устроившись так, что мне все время, кажется, будто я сижу, удобно засунув ноги под одеяло, правда это одеяло время – от времени вздыхает, но и я этим грешу.

Пусть мы пока еще не радуемся жизни, но определенно мы о ней уже и не грустим.

Надежда! Противная девчонка!

– Надеждаааа! Где же ты? Вот ведь противная девчонка!

Я отрываюсь от книжки и выглядываю в окно, пытаюсь определить источник шума.

В душе я совершенно согласна, надежда – невероятно глупая девчонка.

На улице такое солнце, что я высовываюсь в окно и с удовольствием верчу головой.

Оказывается нас, таких много: голов шесть или семь тоже пытаются понять, кому же так понадобилась надежда этим солнечным днем.

– Надеждаааа! Вот только дай мне тебя поймать!

Я тихо хихикаю, прикрыв рот ладошкой и внезапно, слышу точно такой же деликатный смешок откуда-то сверху. Вообще мое окно находится под декоративным бордюром, на котором стоят атланты. Атланты очень занятые статуи, они держат балкон. Таких балконов у нас два – один держат атланты, а другой деликатно придерживают нимфы. Причуда архитектора. Атланты играют мускулами и делают вид, что у них слишком много дел, чтобы обращать внимания на кокетливых девчонок, которые несмотря на то, что тоже заняты

поддержанием пола под ногами тех, кто выходит на балкон покурить и позубоскалить с улицей, все же находят время, чтобы строить глазки несговорчивым каменным дурням.

Наверное, где-то там, точно так же хихикает какой-нибудь мой сосед.

Внизу, тем временем, становится еще интереснее. Из-за угла соседнего дома выбегает ведро. Зеленое такое, солидное, жестяное. Хотя солидные ведра так бегать по двору не будут. Они делом заняты, на рынке. Продают соленые огурцы или ягоды.

В воздухе, в такт мелодии моей мечты, ощутимо повеяло солеными бочковыми огурцами.

– Анька! Ты?

– Надеждаааа! – надрывается голос.

– Я! А ты кто?

– Я Стефка, поверни голову, балда!

Поворачиваю голову и точно! Из соседнего окна высовывает Стефка. И жует огурец, тот самый. Из солидного ведра.

– Огурец будешь?

– А тож!

Кудрявая Стефкина голова на пару секунд исчезает и тут же появляется обратно, следом за головой появляется рука, которая, победно размахивает шампуром с нанизанными на

него двумя солеными огурцами, именно этот шампур помогает мне дотянуться до моей сиюминутной мечты.

А я на радостях кидаюсь в Стефку конфетой. Оказалось, что ей так хотелось шоколадных конфет, просто ужас! А дома одни огурцы.

Пока мы обменивались мечтами, ведро уже добегалось, врезалось в дерево, перевернулось и под ним оказалась маленькая одуревшая собака. Только она не лаяла. Стеснялась, наверное, своей пробежки в ведре. Глупая. Не знает еще, что чудачество нынче в моде.

– Надежда! Любимая!

К собаке кидается хозяйка и прижимает ее к груди.

Люблю свой город.

Город, где надежда хоть и молчит, но все-таки прибегает на зов, пусть даже и с таким грохотом. Город, где Атланты и Нимфы находят друг друга, в окнах живут любопытные головы, а мечты обязательно исполняются!

Обязательно!

Свадебные фотографии

Обычно, таким картинам предшествуют шумные, эмоциональные ссоры, долгие споры, крики, может быть, даже битье посуды... Это, временами даже лучше, ведь все знают, что посуда, пусть и в ссоре, бьется к счастью, пусть даже, это будет кратковременное счастье шопоголика купившего новый сервиз. Иногда, наоборот – все происходит тихо и кроме этого акта бессильной злости, когда все слова уже сказаны, а действия хочется, ничего не остается...

Обо всем этом Илона думала, глядя на свой двор этим утром. Вместо снега, которому полагалось лежать в конце ноября, но, как обычно, зима по пути в Москву, где-то задержалась, возможно, перепутала дороги и пришла, допустим, в Краков, за что жители Москвы ей были благодарны, двор был усыпан обрывками свадебных фотографий.

А о чем бы вы подумали, выйдя с утра, на улицу и увидев множество обрывков фотографии? На каждом обрывке был запечатлен фрагмент чьего-то черно-белого счастья. Подол белого кружевного платья, рукав, фрагмент прически. Глаза. Белая роза в петличке. Его рука. Ее...

Илона никогда не была склонна к романтизации окружающей действительности.

Скорее наоборот, она всегда была очень здравомыслящей и слишком взрослой, сначала девочкой, а потом и девушкой. И сейчас взрослой девушкой. Про таких говорят, что они «слишком умные для своих лет».

Сейчас глядя на все это белоснежное, кремовое, забавное, смущающееся и немного неловкое, чудо чужой жизни, Илона вздохнула, подумала, что опоздание на десять-пятнадцать минут на работу она сможет простить самой себе и, аккуратно повесив сумку на ручку входной двери и подобрав полы светлого пальто, Илона педантично собрала все обрывки. Сначала она подумала, сложит их в карман или пакет, но так как в карман они все не помещались, а пакета у девушки не было, Илона сняла перчатку и начала складывать внутрь обрывки фотографий.

Она вовсе не собиралась их склеивать и потом возвращать владельцу.

Во-первых, Илона жила в многоквартирной высотке, переехала туда недавно и не знала своих соседей. А вешать объявление: «Найдены обрывки свадебных фотографий» на двери подъезда ей не хотелось. Ведь сразу понятно, что это, хотели потерять. А значит, пока не стоит возвращать. Хотя бы пока не выветрится пар после ссоры и не наступит сожаление.

А во-вторых, она делала то, что считала нужным в данный момент, зная, что ее разум и интуиция потом все объяснят. Иногда Илона так делала – просто отпускала свое сознание на волю, зная, что бед, захватив руководство телом, оно не устроит. В этой девушке очень гармонично уживались и рас-судок, и остро отточенный ум, прагматизм и сильный харак-тер, и, конечно, доброе сердце, которое тоже часто подска-зывало неплохие решения.

А чувства были прекрасным наполнителем, как шарики пенопласта, которыми пересыпают в коробках хрупкие изде-лия, чтобы они не побились при транспортировке.

Собрав полную перчатку обрывков, Илона аккуратно по-ложила ее в сумку и пошла на свою остановку.

Несмотря на то, что уже давно балом общественного транспорта, в городе правило метро, или многочисленные маршрутные такси, девушка предпочитала передвигаться на трамвае. На нем было удобнее всего добираться до работы и с появлением в ее районе станции метро, трамваям стало гораздо легче дышать. Илона всегда садилась у окна и на-слаждалась прекрасным видом любимого города, небольшо-го парка, который она проезжала по пути на работу и слег-ка размытыми, через стекло, и от того слегка нереальными, прямыми улицами. Прямых улиц в их городе было гораздо больше, чем традиционных, кривых, которыми славятся го-рода с долгой и красивой историей. И Илоне это тоже нра-

вилось. Она любила думать прямо и никуда не сворачивая.

В этот раз, в дороге Илона размышляла. А хотела бы она, выкинуть все лишнее – вот так вот, в окно? И действительно ли, все было настолько плохо, что кто-то не пожалел времени и изодрал несколько свадебных фотографий вот так вот? Чтобы хватило на полную перчатку?

Илоне даже показалось, что ее перчатка стала какой-то иной. Слегка волшебной.

В волшебство Илона верила. Но тоже с легкой ноткой прагматизма – ведь, если очень многое вокруг указывает на существование волшебства, так как же в него не верить?

Но и тратить время на размышления об этом девушка тоже не хотела. Время, пока она добиралась на работу, было только ее временем. В эти минуты, она прикрывала глаза, прислонялась к стеклу виском и позволяла всем своим мыслям выйти наружу из ее головы. Медленно, временами неохотно, они заполняли трамвай. Каждой мысли Илона давала лицо, наряжала ее и усаживала на какое-нибудь место. А потом отпускала их, позволяя некоторое время, пусть даже в течение нескольких остановок, побыть отдельно от нее. Таким образом, те мысли, что доезжали с ней до работы и были по-настоящему важными, а те, что выходили где-то по пути, покидали девушку.

Сегодня среди «пассажиров» ее трамвая то и дело попа-

дались полупрозрачные дамы, наряженные в свадебные платья и кавалеры, в костюмах с розами в петличках и выходить они никуда не желали, кружась вокруг Илоны, навевая совершенно неправильные, нерабочие мысли.

– Хм... – погладив перчатку в сумочке, девушка вышла из трамвая. Она работала в большом офисном здании – царстве стекла и хромированных деталей, всегда исправного рабочего механизма, ровно тикающего офисного времени.

Правда, в кабинете Илоны мебель резко отличалась от общего корпоративного стиля, но она вполне могла себе позволить выделяться, ровно настолько, насколько ей этого хотелось. Светлый ковер, по которому было приятно в конце рабочего дня пройтись, скинув туфли, шкаф и стол теплого, орехового цвета, офисные папки скрыты за резными дверцами большой «библиотеки», а на разноцветных стеклышках дверей, играет солнце, когда оно заглядывает в огромное всегда чистое окно.

На диване можно вытянуть ноги и разложив бумаги вокруг себя, вооружившись остро отточенным карандашом, выгонять все лишнее оттуда. Илона была идеальным личным помощником. Этаким «серым кардиналом», при управляющей компанией. Она всегда все помнила, знала, что и как делать, и часто была просто талисманом шефа, когда он брал ее с собой на сложные для него мероприятия. Иногда, он и сам ловил себя на мысли, что если у него что-то не получает-

ся, достаточно лишь позвать Илону, пусть не для того, чтобы она помогла, а просто взглянула в монитор и тогда под ее строгим взглядом все буквы и цифры вставали в правильной, нужной последовательности.

И часто, оставляя вместо себя зама, шеф Илоны спокойно уезжал, зная, что никто не наделает без него глупостей.

Илона вошла в кабинет, положила на стол перчатку, подумала немного и подвинула ее так, чтобы перчатке было лучше видно, словно она была живая.

Конечно, хотелось вытряхнуть обрывки и попробовать собрать хотя бы одну целую фотографию, но это было равносильно вмешательству в чужую жизнь. Ведь кто-то не просто так порвал их? И выкинул в окно?

С другой стороны мозаики придумали очень давно и мало кто отказывался от искушения собрать их.

Илона высыпала несколько обрывков на ладонь и повертела их. Как много может помещаться в одном сантиметровом кусочке фотобумаги. Взгляд, жест... Что-то еще...

Разглядывая обрывки, Илона поняла, что в них не так. И достав из ящика стола косметичку, Илона вытянула оттуда упаковку влажных салфеток для снятия макияжа, и, вытряхнув все обрывки на деревянный поднос, чтобы они не «разбежались» по всему кабинету, девушка осторожно протерла каждый, на котором была грязь. Осторожно, очищая, она са-

ма не понимала, зачем это делает. Зачем очищать порванные и выброшенные обрывки фотографий? Просто Илона любила порядок.

Аккуратно все почистив и подсушив, девушка сложила все обрывки в прозрачную пластиковую коробочку и занялась работой, которая уже нетерпеливо поджидала ее у рабочего стола.

Прошло два дня, Илона не забыла про фотографии, но и не возвращалась к ним, потому что это было уже сделанное дело. Ее лишь охватывало чувство приятного удовлетворения, когда она смотрела на пластиковую коробочку, стоящую теперь на кухне, на подоконнике, в корзинке со всякой мелочью.

В это субботнее утро, девушка отлично выспалась и стоя у окна, в пижаме и толстых носках пила кофе, когда во двор въехала машина. Из нее чуть стесняясь своего счастья, выбрался пожилой господин в нарядном, чуть старомодном, но от этого еще более очаровательном и слегка чудаковатом костюме тройке в тонкую полосочку. У Илоны было отличное зрение, и она жила не так уж и далеко от земли и всего самого интересного – на втором этаже. И она отлично разглядела розу в петличке. Открыв дверь, господин помог выйти из машины своей леди. На ее кокетливо уложенных седых воло-

сах красовалась изящная шляпка, а платье было нежно-розового, очень идущего ей цвета. Илона сразу узнала эту пару. Пусть они были лет на двадцать старше тех, кто был на фотографиях, но смотрели друг на друга с той же любовью, нежностью и трогательной радостью.

– Наверное, ей никогда не нравилось то свадебное платье. А другого не было. Вот она и выбрала новое, и фотографии тоже будут новыми, – решила Илона. И замурлыкав себе под нос рождественскую песенку Илона подумала, что она все сделала правильно. А фото, которые она все же склеила, отдаст им когда-нибудь потом.

И никакого чуда тут нет. Люди поругались, потом, помирились. И все равно она чувствовала себя немножко... Со всем немножко, волшебницей. Пусть и в масштабе одного двора и сохранённых старых фотографий.

Много новых слов

Ольга часто вела сама с собой странные разговоры. В голове, конечно, но, когда ее никто не слышал, то и вслух. Вокруг было столько всего интересного – Ольга подмечала каждую деталь, каждый звук, случайно сказанные фразы, жесты, движения и рассказывала об этом самой себе.

– Ты живешь не своей жизнью, – категорично говорила ей тетя. Тетя считала, что надо жить своей жизнью, а не чьей-то другой. И всегда пыталась об этом сказать Ольге, когда та

рассказывала ей про подслушанные разговоры, про то, что пани Маздя пролила кофе на платье, и пан Ярек, наконец-то женился, а ведь еще в прошлом году собирался, именно Ольга помогала ему выбрать кольцо на помолвку. В городе так удобно собирать слова и жизни, наверное, у него и самого уже, отличная коллекция.

– А какой мне жизнью жить? – с искренним любопытством спрашивала Ольга, и тетя пожимала плечами, называя племянницу «блаженная». А Ольга шла домой, собирая все, что происходило вокруг нее и мысленно рассказывая и обсуждая это же сама с собой.

Иногда она тихо начинала говорить вслух, дома, чаще всего или в кафе, где помогала маме и бабушке. На самом деле, семейное кафе, это далеко не так хорошо, как кажется, потому что ты практически все время в пределах досягаемости своих родственников, притом в прямом смысле этого слова. Например, когда замечтаешься и начнешь рассказывать самой себе, как сегодня утром две мусорные машины во дворе играли в догонялки, бабушка может подкрасться и легонько стукнуть тебя полотенцем по спине – чтобы не ссутулилась, не расслаблялась, прекратила валять дурака. И болтать сама с собой, и чтобы знала, что бабушка всегда рядом и поможет, если что.

Они так умеют. Одно движение, а столько мыслей! Ольга, наблюдала как сказанные ею слова, больше похожие на бесвязный поток мыслей заполняют все вокруг, гуляя по пу-

стому, утреннему залу кафе, словно сквозняки, прогоняя все лишнее и подбирая все нужное. Вот, оброненное кем-то в спешке «Извини», в начале, конечно, это было «Извини, я спешу», но «спешу» ушло с тем, кто это сказал своей даме, а «Извини» обвилось вокруг ножки стола и, когда днем за этим столом поругались двое, он, вдруг, сам не понял – откуда из него вырвалось это «извини»? Он вроде и не собирался, нет, потом, конечно, да, но не сейчас, ведь он так зол... Но слову лучше знать, когда разыграть свою партию.

«Я люблю кофе и еще вот эти лимонные пирожные, очень, хочешь, угощу тебя?» Пирожные быстро кончились, лишние слова из фразы кончились вместе с ними, истончились, тая, осталось самое важное: «я люблю тебя» и Ольге было очень интересно, кому же оно достанется? Вон, как плотно приклеилось к стойке с пирожными.

Потом, Ольга открывала кафе и там, где не хватало слов – добавляла свои. Например, когда она молола, а потом заваривала кофе, она рассказывала ему, что именно этот сорт самый полезный, он не возбуждает, а наоборот, успокаивает и дарит радость и хороший сон, особенно, если выпить его с корицей и капелькой липового меда и тот, кому доставался этот кофе, шел домой и вместо того, чтобы пытаться уложить не желающего спать ребенка с помощью нервных окликов, сидел рядом и рассказывал сказку про то, как месяц на небе простудился, и его кормили липовым медом, и голосе сказочника был слышен кофейный аромат, нотка корицы и

веки тяжелели и хотелось спать, но как же, вылечили месяц? Хотя об этом можно спросить у папы завтра.

Город всегда подкидывал Ольге новые слова. Он писал на стенах, подкидывал листовки и обрывки газет, вместе с ветром. Вчера вот, на стене, почти под самой крышей, одного из домов кто-то размашисто написал: «Шалом, Соломон!». Это можно отложить. Все слова когда-нибудь могут пригодиться.

– Ты, так, никогда? Понимаешь? Ты же вся в себе! Как ты можешь? – спрашивали тетя и сестра и даже немного, бабушка, что именно "никогда" и что же "она может", Ольга не знала. Потому что часть слов, натренированная на побегу, куда-то убегала, да и к тому же, обычно, во время таких прочувственных речей, когда женщинам кафе «Лимонное» хотелось поругаться, Ольга мысленно рассказывала самой себе, как прошел день и что в нем было интересного.

– Простите?

– Ой, нет, извините, я иногда сам собой разговариваю, лекции проговариваю, – смутился мужчина, которому обратилась Ольга, он что-то говорил сам себе под нос, а она как раз принесла ему его любимый лимонный чай и решила, что он обращается к ней.

Ольга кивнула, понимающе улыбнулась и отошла к стойке. Вечером, когда Ольга убиралась в зале, она заметила, что после мужчины вокруг стола осталось столько интересных слов и фраз, что Ольга, протирая стол, почувствовала острый интерес к математике. Хотя даже в школе ее не особен-

но понимала.

– Доброе утро!

– Доброе утро! Может быть... Я могу угостить вас кофе? Хотя как я могу угостить кофе человека, который целый день проводит в обществе кофе и, наверняка знает его гораздо лучше, чем я... – смутился мужчина, который постоянно заказывал лимонный чай и очень любил математику.

«Сколько лишних слов», – подумала, услышав это, проходящая мимо тетя Ольги.

«Сколько замечательных слов!», – подумала Ольга, а вслух – согласилась и пообещала, что познакомит его с самым лучшим кофе в этом кафе, а то непорядок, он так давно сюда ходит, они, с кофе, все еще не представлены друг другу.

Соня

Соня живет в этом доме уже одиннадцатую весну. Она сама так говорит. Каждый год – это у нее новая весна. Не лето, а именно весна. Соня любит пограничные времена года. Когда одно кончается, а другое начинается. Весна, осень...

Она живет на девятом этаже дома и когда начинается дождь, любит открывать окно и, сидя на подоконнике, есть вишни, обстреливая косточками прохожих внизу. Чаше всего она стреляет по зонтикам и все, кто знает ее, удивляются, как она попадает так точно.

Это же Соня.

Соня мастерица, она шьет самые лучшие в мире платья и костюмы и попасть к ней невероятно сложно.

Но если все же попадете, приготовьтесь удивляться. Соня точно запишет ваши размеры, сама подскажет, какое платье и какой материал нужен именно вам. В общем, вы, конечно, можете с ней поспорить. И Соня, даже согласится с вами. Но ее платья все равно лучше.

А когда вы сядете пить чай, у нее на кухне, Соня расскажет вам про трех сыновей и дочку, и про дождь, который часто идет, и про время, которое, конечно же, тоже идет, но лучше бы оно шло по делам, чем просто так гуляло. А так можно было бы послать его за мороженым к кофе и пече-

нъем.

У него-то точно есть на это время.

Чтобы понять, за ней нужно наблюдать очень пристально, как она двигается, как ходит, как смотрит и говорит. Как все аккуратно у нее дома и каждая мелочь лежит на своем месте. Еще Соня курит, врач давным-давно запретил ей курить сигареты, но про сигары он же ничего не говорил, правда? Соня курит сигары и обязательно предложит вам. Это щедрое угощение – не отказывайтесь.

У Сони всегда лучшие в городе сигары, таких вы не найдете в магазинах. И никто не знает, где она их берет.

Сигара совершенно не вяжется с ее образом, правда?

Пока вы будите наблюдать, как она раскуривает сигару, обратите внимание на ее длинные тонкие пальцы. Она никогда не занималась музыкой, но зато, когда нужно – она сплетет к платью кружево, тонкое, легкое, изящное, больше похожее на сон.

Соня немножко идеалистка в действиях и ее кружево тоже будет самым лучшим в мире.

Она угостит вас сигарой, научит правильно ее курить, а когда вы окончательно размякнете – попытается еще раз убедить вас в том, что вам нужно совсем другое платье. Вы сами не заметите, как увлечетесь ее рассказом о ветре, приносящем аромат цветущих апельсиновых деревьев, или про то,

как звенит воздух по утрам осенью и как, пахнут поздние, впитавшие в себя терпкое осеннее солнце, яблоки. Она расскажет вам про бархатную ночь и про озеро, в котором отражается небо. Вы сами выберете себе историю из предложенных ей, а она сошьет вам платье. И все это, она действительно сможет заключить спрятать, зашифровать в ваше новое платье. Так, что весной вы будете пахнуть осенью, а самым жарким днем от вас, в новом платье, будет веять ночной прохладой.

На прощанье она коснется вас рукой и немного беспомощно улыбнется. Загляните в ее глаза цвета зеленого, бутылочного стекла. Посмотрите на ее коротко стриженные седые волосы, очень удобная прическа – можно совершенно не думать об укладке.

Заметили?

Соня – совершенная слепая. Она такой родилась. Но не бойтесь. Ваше платье будет самым лучшим. Вы же помните, что Соня идеалистка? Она все старается делать лучше всех.

Иннокентий?

Утром, выгуливая перед работой собаку, таксу по кличке Шляпа, как обычно, слегка не проснувшись и, как обычно, вообще не понимая, куда она идет и зачем, Лиза увидела, что у них во дворе, на маленьком заборчике сидел ее сосед, в их маленьком дворе они все знали друг друга, и хихикал. Время от времени он, вспоминал, что он взрослый серьезный мужчина, пытался встать и пойти куда-то, но хихиканье снова настигало его, и он обратно присаживался, продолжая хихикать. Его собака – тоже такса, с не менее странным собачьим именем – Патефон, терпеливо сидела рядом и ждала пока хозяин придет в себя.

– И как вам удастся быть таким веселым с утра пораньше? – спросила Лиза, останавливаясь рядом.

– А вы знали, что наш двор зовут Иннокентий? Так же, как и меня, только я все же люблю, сокращенный вариант своего имени, может и наш двор тоже...Кеша? – спросил сосед, захлебываясь от смеха.

На самом деле, Лиза не очень-то и удивилась.

У них был совершенно удивительный двор. Большую роль

сыграло то, что Кенигсберг-Калининград застраивали в разное время и пару раз даже перестраивали, вот и получилось так, что многие дворы были «двойными». Вокруг нескольких старых домов, строились новые, надежно скрывая дворики от посторонних и пройти туда можно было только через несколько арок, притом, арки располагались так, что казалось, будто ты попал в сыр и пытаешься найти выход через лабиринт хаотичного расположенных дырок.

Но в тоже время множественные "внутренние" дворы получились такими уютными, как, когда двор становится продолжением дома.

– Ну, на самом деле, я знала, что у него, как и у почти всех дворов в нашем и еще нескольких районах, есть имена. Но только само имя все время забывала, – пожалала плечами Лиза и ее сосед удивленно встал.

– То есть, есть еще и другие имена?

– Ну да, наверное, – Лиза посмотрела на часы, поняла, что она все же должна немного поторопиться, если хочет успеть на работу вовремя и, попрощавшись спешно пошла, домой.

По пути на работу, пройдя через две арки, она, почему-то сказала тихо: «Хорошего тебе дня, Кеша» ей подумалось, что двор не будет обижаться, если она будет звать его так, ласково, по-домашнему.

Автобус сегодня ждал Лизу практически пустой, и она

спокойно села на свое любимое место и трамвай, словно дожидался только ее, мягко тронулся вперед.

Рабочий день пролетел очень быстро. Лиза рассказала коллегам про то, как зовут ее двор и оказалось, что дворов с именами гораздо больше, чем она думала.

Лиза даже записала многие имена с адресами этих дворов, просто так, на всякий случай.

Вечером, когда она снова гуляла с собакой, ей показалось, что Двор-Кеша был ей рад.

– Вот это все вы виноваты! Я теперь всё время обращаюсь к нему по имени! – сердито сказала она соседу, дождавшись, когда он тоже выйдет погулять с собакой, и тут же рассказала ему про все остальные дворы и имена.

– А давайте, прогуляемся... Смотрите, рядом у нас есть Клара, Диана и ох ты ж, Альфонсо? – предложил он, глядя на бумажку с именами и адресами.

Лиза кивнула, благо было еще светло.

Оказалось, что двор Альфонсо – в самом деле, самый настоящий Альфонсо! Там, к тому же, оказалась школа испанского языка. И весь этот двор был таким гордым, сильным...

А вот Диана и Клара, похоже, были сестрами, дворы были настолько похожи, что становилось страшно – словно вы заблудились, шли-шли и пришли опять туда, откуда уходили, даже бабушки, гуляющие с внуками во дворе, одни и те же.

–Нет, Кеша, все-таки ты, самый лучший, – церемонно сказала Лиза, когда они вернулись в свой двор, ей даже захотелось погладить его, хотя бы стене дома.

Двор, которому и в самом деле, очень подходило это имя, тепло рассмеялся чьим-то смехом, который донесся из открытого окна, подул свежим ветром и мигнул фонарем, разогнав, таким образом, гуляющих по домам, и вовремя, потому что буквально через пять минут пошел дождь.

Вооружившись блокнотом и ручкой, поискав в интернете Лиза узнала еще несколько адресов дворов с именами.

А ее сосед, прибегнул к другому источнику информации и расспросил старшую по подъезду, сухонькую старушку, которая преподавала музыку и, кажется, знала все и обо всех. Собственно говоря, сегодня утром именно она рассказала, что их двор зовут так же как и его.

Уже перед сном, созвонившись, они сравнили у кого-сколько имен и дворов получилось. Лиза нашла еще семь, а Кеша – одиннадцать. И еще они решили, что обязательно попытаются узнать, как у их дворов появились имена? Кто им их давал? И самыми довольными в этой истории получились все же Шляпа и Патефон, потому что они совершенно точно знали, что хозяева, когда пойдут знакомиться с новыми дворами, обязательно возьмут их с собой, а значит, впереди будет много всего интересного. И они будут много гу-

ЛЯТЬ ПО НОВЫМ ВКУСНО ПАХНУЩИМ МЕСТАМ.

Слушатель

– Даже и не думай, Сема, слышишь! Даже и не думай!! Это слишком легко, слишком простой выход! Ты же никогда не был трусом Семаааа!

«Любимая, рыжая, взбалмошная, даже когда плачешь, ревешь белугой, а такая красивая. Как же быстро с тобой летит время. Сколько уже? Пятьдесят лет вместе. Ведь много уже. И все живем на одной улице. Пятьдесят лет на одной улице. Кому угодно надоест...»

– Сема! Слушай меня, ты не можешь, слышишь! Не можешь! Кто же будет меня слушать по вечерам, а? Кто будет слушать и улыбаться, когда я буду жаловаться на Хаима и Таит? И говорить, что хватит их воспитывать, что они уже выросли! Слышишь, Сема! Мне плевать тысячу, нет две тысячи раз на то, что они уже выросли, я буду их воспитывать, а ты будешь меня слушать! Сема даже и не думай!

– Надо ее увести отсюда.

– Не надо пусть выплачется.

– Да что вы понимаете! Я никогда не плакала, только ко-

гда резала лук перед свадьбой Руфи и сейчас не буду плакать, тем более что у вас тут совершенно не умеют готовить лук! Слышишь, Сема, слышишь? Я тебе приготовлю луковые колечки! Те самые, что зареклась готовить девятнадцать лет назад, но раз ты такой баран упрямый, я приготовлю тебе эти колечки!

«Что же ты так кричишь, милая»?

– Сема ты обещал мне! Ты обещал мне про три четверки, а теперь получается, что ты еще и врун?

Прямая линия, вдруг опять пошла волнами. Волнами их долгого счастья.

– Что же ты так кричишь, Стелла? Мне на том свете было тебя слышно!

– Сема. У меня просто нет слов!!!!

– Ну хорошо, помолчи немного, дай мне тишины! Хотя, нет. Лучше говори. Я так люблю тебя слушать. И три четверки не обещаю. Максимум двойку и два нуля.

– Ох, какой же ты упрямый Сема! Ну хорошо. Давай три двойки, но только вместе Сема!

– Вместе Стелла.

– Но это же невозможно!! Как??

Он устало прикрыл глаза и улыбнулся доктору, чуть при-

поднявшись на локтях, как будто воспарил над больничной койкой.

– Как-как. А кто же, по-вашему, будет ее слушать??? Только Стелла! Давай-таки наконец переедем с этой улицы к морю! Пятьдесят лет на одном месте! Стелла столько нельзя.

– И что? Ты будешь мне рассказывать про сырость с моря и твои больные кости??

Обычная сказка со счастливым концом

Жил был на свете один человек. Человек как человек, таких тысячи, пройдете мимо него на улице не заметите. Жил себе и жил. Работал в университете и на людях громко именовал себя преподавателем и жаловался на «этих безалаберных студентов», и что молодежь нынче пошла не та, и не то.

Обычно, по мере приближения к дому, после работы, ора торский дух угасал, портфель становился все более и более тяжелым и, глядя на темное окно квартиры, он грустно вздыхал, шепотом и про себя повторял «преподаватель» и открывал дверь в подъезд.

Он в себя категорически не верил.

Так было каждый день. Как и у всех у него были мечты, планы, он специально пошел преподавать в Университет, и часто представлял себя окруженного толпой студентов, воодушевлено просвещающая их по поводу инновационного менеджмента. И должно было быть именно так, но что-то, кто-то, где-то перепутал и в результате – пара десятков студентов спокойно спящая на его парах и он сам, не верящий то, что

рассказывает.

Как-то раз, придя вечером домой и по обыкновению пнув кошку, ритуал, приносит удачу, да и разминка хорошая, кошка уже давно чуявшая настроение хозяина превращалась в подобие человека невидимки – попробуй, найди, он, вместо того чтобы сесть проверять работы, нетерпеливо скинул пальто на пол в прихожей и прошествовал на кухню, не отрывая взгляда от книги, которую купил почитать в метро. Даже кошка вылезла из своего убежища посмотреть, почему так тихо.

Книга затянула нашего профессора.

Это был не детектив и даже не фантастика, а скорее размышления некоего автора, о том, что госпожа Смерть всегда идет рядом с нами, а точнее за нашим левым плечом и если достаточно быстро обернуться, то вы даже сможете с ней за руку поздороваться. Вот такая вот идея. Но нашего профессора она захватила целиком и полностью и когда на следующее утро он проснулся, вчерашняя книга встала перед ним во всей красе. А точнее идея, мысль о том, что он скоро умрет. Отогнав мысль, куда-то на задворки сознания, очень, кстати, опасное дело, прогнанные на эти самые «задворки» мысли имеют обыкновение возвращаться и атаковать с новой силой, он собрался на работу.

Солнце сегодня радовало всех, ясное небо, как будто специально отговаривало от рабочего настроения, навевая мысли о прогулках, парках, кофе «на вынос» ароматных булочках и выходных. Автобус пришел вовремя, и люди, воодушевленные погодой с улыбкой, встречали новый день. И наш профессор на минуточку поддался всеобщей эйфории, радуясь и жмурясь, словно сытый кот. Но та самая мысль не давала ему покоя, она вертелась, холодила руки, и сердце замирало в тревожном ожидании. Из-за этого улыбка получалось грустной, казалось, что все на свете напрасно. Тлен, золотоса и что-то там еще.

А потом он увидел Ее. Она стояла на автобусной остановке совершенно одна. И именно она, как он потом, смеясь, рассказывал вновь приобретенным друзьям, забила последний гвоздь в крышку его гроба.

Очень бледная девушка в длинном платье, черном, как и ее волосы, ногти, губы. Бледное лицо и черные провалы на месте глаз, но самое страшное, было то, что она держала в руках: в черную сетку были завернуты шесть бордовых роз, они казались бархатными и живыми, но приглядевшись, пока автобус стоял, он понял, что и они мертвые, мертвые засохшие розы.

Внутри словно зазвенела натянутая струна, тихо-тихо, пе-

чальная мелодия закулила хоровод воспоминаний, обрывков фотографий. И погода, и новый день, и лица прохожих, все обрушилось на него, придавив тяжелой плитой надежду. Он должен умереть и притом очень скоро.

Вы скажете, «что за бредовые мысли?», а у вас разве никогда не было, мысли, что все напрасно, и чтобы вы не делали, не думали, и не пытались сказать, проваливается в сплошную темную дыру, а там лишь пустота и вакуум?

Придя на работу, наш преподаватель как он и ожидал не нашел там ничего интересного, обычная рутина с привкусом горечи и запахом аммиака.

– Подпишите, пожалуйста, – Сказал он, декану своего факультета, кладя ему на стол заявление об отпуске за свой счет.

– Пожалуйста, но с чего вы решили, вдруг, так резко-то?

– Семейные проблемы, – Уклончиво ответил наш герой. Он знал, что завтра по факультету поползут слухи, сказать по правде несколько «уток» он уже запустил, поинтересовавшись у своих коллег-женщин не знают ли они хорошего гинеколога и посетовав на дороговизну жилья.

Теперь точно будут думать, что у него завелась подружка и она беременна.

А на самом деле, он пришел после своей последней пары, положил портфель на стол и понял, что больше не может. В расписании на этой неделе пар у него больше не значилось,

если хорошо попросить декана – он найдет ему на пару месяцев замену, а ему надо подумать.

Собратся с мыслями, подумать и прогнать наконец-то этот иррациональный с одной стороны – он же пока ЖИВ, и вполне рациональный – это пока он ЖИВ, с другой стороны страх.

Наш герой был далеко не миллионером, но кое-какие сбережения плюс кредитная карта, позволили ему сделать вывод, что надо бежать отсюда. Вернее, уезжать отсюда. Но, с другой стороны, побег в другой город или другую страну ничего бы не изменил, не зря все вокруг твердят ему о том, что от себя не убежишь. Даже, если ты серьезный, взрослый человек, который прочитал глупую книжечку и впал в долгожданную депрессию.

Он привык все анализировать и когда вышел с работы с заявлением в кармане, то сел на ступеньки, закурил и впервые, за все то время, что его глодал безотчетный страх задумался. Задумался серьезно и спокойно.

Если он уедет куда-то, то получится, что он бежит из города и когда он вернется сюда, то, скорее всего страх никуда не денется.

Надо было что-то делать.

Избитые истинны тем и хороши, что их можно применить практически к каждому человеку.

Когда-то очень давно, одна девушка говорила ему, что са-

мый лучший способ прогнать плохой день – это сделать в этот день то, что никогда не решился бы сделать в любой другой. Потому что страшно и не хочется портить день. А так, все свалил в одну кучу и отстрелялся надолго вперед!

Неожиданно он вспомнил ее. Это был странный и смешной роман. Девочка одуванчик смешила его, всегда улыбалась и довольно звучала в телефонной трубке, когда бы он ей не позвонил. И из-за этого они и расстались. «Человек не может быть все время счастливым», или что-то около того, сказал он ей тогда, кажется, еще обвинил в неискренности. Глупо все это было, конечно, но он, тогда, мнил себя большим знатоком человеческих душ. Таким боевым котом с ироничным прищуром, горькой складкой в уголках губ и холодными глазами, в которых отражается немалый жизненный опыт.

Странно, как можно было забыть про целый этап в своей жизни? Как и то, что когда-то ты был «боевым котом»?

Неожиданно ему захотелось сделать глупость. Искать ее телефон в книжке было бесполезно. Поэтому он поехал на ее работу.

А пока ехал, со стыдом вспоминал все обстоятельства их короткого и немного глупого романа.

Инга – девочка одуванчик, работала в другом университете, и, кажется, явно собиралась остаться там жить. А что? Она проработала там все время, что училась, на работе ее

любили и позволяли делать все, что душе угодно. Он поддразнивал ее, что она там останется и завязнет. Как муха в янтаре. А теперь он сам работает в Университете и явно кажется самому себе не таким уж и умным.

Да еще и боится чего-то.

И почему эта Инга так засела у него в голове?

Из невеселых мыслей он вынырнул только, когда добрался до ее Университета.

И через полчаса он снова почувствовал себя дураком. Это, конечно, полезно чувство. Тем более, что дураком чувствовать себя гораздо приятнее чем трусом, который боится непонятно чего до такой степени, что даже отпуск на работе взял. Олух.

Дело в том, что Инга, оказывается, ушла из Университета. И довольно давно. Она ушла оттуда примерно за неделю до того, как он сказал ей те глупые ненужные слова.

И никто не знал, где она теперь работает.

– Идиот, – радостно обозвал он сам себя и решил просто погулять по городу. Ведь он так давно не гулял по городу. То ли боялся, то ли время не находил.

Но мир вокруг, был явно против того, чтобы он бросил идею искать Ингу. И дал понять это проливным дождем, отправляя планы на прогулку, за забытым дома зонтом.

Наш герой сидел в кафе и листал записную книжку телефона. Раз уж ему почему-то приспичило разыскать Ингу, надо это сделать. А потом уже он может продолжить бояться и думать о смерти с чистой совестью.

Через шесть звонков, три чашки чая и два стакана минеральной воды он точно знал, где теперь обитает его прошлое. Прошлое с нежной улыбкой, всегда счастливым голосом и мягкой кожей.

Он нашел Ангела. Ангелом оказалась их общая знакомая – Агнесса, музыкант, слегка сумасшедший фотограф и просто очень хороший человек. Ангел по имени Агнесса, совсем не удивилась, услышав его голос, после двух лет молчания. Мало того, когда он, заикаясь и сбиваясь на традиционное в таких случаях меканье и нуканье попросил ее о помощи, Агнесса рассмеялась приятным грудным смехом и назвала ему адрес, куда она совершенно точно позовет Ингу сегодня вечером. Раз уж ему так приспичило.

– Да мне совершенно не приспичило, просто дай ее координаты, и я позвоню...

– Нет уж. Приезжай сегодня в сад Эрмитаж, я там буду, а Инга неподалеку на съемках.

– На съемках чего?

– А? А ... Ты же не знаешь. Она сейчас помогает мужу клип снимать.

– Мужу? Клипы?

Агнесса рассмеялась и кратко пересказала ему два года жизни Инги. Гражданский муж Инги – певец, сама Инга уже его не любит, но так плотно завязла во всей этой тусовке, что с удовольствием нашла там себя. Она сочиняет истории для клипов, сценарии с легким ароматом андеграунда. Занимается фотографией, пишет статьи для разных изданий и иногда сама снимается в тех клипах, которые придумала.

– Значит, через два часа жду тебя в Эрмитаже?

– Д-да.

Он положил трубку и с облегчением рассмеялся.

Минус один. Одно дело он сегодня сделает и тогда будет точно знать, как жить дальше.

Всегда проще дожидаться знака судьбы, чтобы свалить все на него, чем самому принимать какие-то решения.

Время до встречи пролетело издевательски быстро. Пол-часа он медитировал у киоска с цветами, думая купить что-то для подруг или нет?

Решил, что нет.

Подумав еще, он купил большой пакет шоколадных конфет. Девушки любят шоколад. Это святое правило.

Еще через пол часа он был почти задушен совсем неизменявшейся Агнессой.

Агнесса говорила что-то, он кормил ее шоколадными кон-

фетами и слышали только то, как громко внутри него тикают часы. Или это так бьется его сердце?

Как давно он не испытывал настолько сильных эмоций. Кроме страха, конечно.

«Вот как человек может раззадорить сам себя на пустом месте», – машинально сказал он вслух.

– А? – Переспросила Агнесса.

– Вот вы где! Простите за прикид, пришлось сбежать со съемок – переснимали два фрагмента, ой!! Как я рада тебя видеть, – знакомый голос с легкой хрипотцой заставил его вздрогнуть. Потом вздрогнуть еще раз и медленно обернуться.

Это была она. Действительно она. Выбеленное лицо, подчеркнутые круги под глазами, черные линзы, длинное черное платье и, конечно же, мертвые розы. Те самые, а может и другие. Она бросила засохший букет на скамейку, скинула туфли на высоченных шпильках и жизнерадостно улыбнулась улыбкой Инги.

А он стоял дурак дураком и курил, не выпуская сигарету из губ, чтобы она не видела, как сильно у него дрожат руки. У таких историй всегда избитый и традиционный финал. Наверное, кто-то там, наверху, делает это специально, чтобы тем, кому страшно и, временами запутанно идти по

жизни, знали, что в конечном итоге, пусть и в долгосрочной перспективе, все будет хорошо.

Неудобные туфли и счастливая лужа

Все началось из-за одного старого черного зонта.

Зонт был основательно потерт в местах сгибов материи, имел множественные переломы спиц, да и с ручкой у него явно стряслась какая-то беда. Привычная для нас бамбуковая загогулина была плотно замотана скотчем.

Поздно вечером, вернувшись с работы, хозяйка зонтика решила его выкинуть. Ну, зачем хранить такое в доме?

Решено.

Утром зонт был воткнут в помойный ящик, а его бывшая хозяйка гордо отправилась на работу демонстрировать миру белое платье в красный горох и новые лакированные лодочки такого же, в цвет горошин, ярко красного цвета. Всю дорогу, солнце с упоением играло, отражаясь в блестящих боках красных туфелек вызывая зависть у, оставшихся после вчерашнего дождя, луж. Лужи, всегда завидуют ярким краскам и вещам, ведь сами-то способны лишь мутно отражать пеструю красоту мира. Правда, именно этой, огромной луже, которая завидовала ярко-красным, лакированным лодочкам сильнее всего сегодня повезло – мимо нее шла девушка с рынка, девушка несла много пакетов, с овощами для заготовок, специями и яблоками, но самое главное – в руках она несла огромную тыкву. И именно ее она выронила и разбила.

Рыжая корка тыквы порадовала лужу, и та, чтобы девушка не расстраивалась, постаралась не сильно замочить ноги девушки, попробуйте это представить – довольная лужа, чуть-чуть подобрала свои края, как девица в длинном платье подбирает подол. Наша девушка с овощами, хоть и расстроилась по поводу тыквы, но не промочила ноги.

Потому что, если бы она их промочила – это была бы совсем другая история.

В этот прекрасный день в одном городе пересеклось много разных людей. О большинстве которых мы вам не расскажем.

Ближе к обеду пошел сильный дождь.

На скамейке в парке сидела девушка в странном оцепенении. Тут, конечно, правильнее было сказать, что она сидела в черном платье и в кедах, и, уставившись в одну точку, но именно ее оцепенение было надето на девушку. Казалось, что она завернута в него как в плотное пальто. Девушка смотрела на свою руку, на которой гордо блестел золотой браслет, и видела, что-то совсем другое. Вполне возможно, что она видела того, кто мог бы подарить ей этот браслет, но, по непонятным причинам, этого не сделал.

Дождь набирал обороты, стекал по волосам, щекотал за шкуркой и загонял людей в кафе и магазины.

В кафе, которые было построено напротив парка и в его

окна было прекрасно видно ту самую скамейку, где сидела странно одетая и уже сильно мокрая девушка, подавали сегодня горячие булочки с корицей и шоколадным сиропом и, благодаря им, и дождю хозяйка еле успевала обслуживать посетителей.

А девушка тем временем все сидела. Дождь все так же лил ей за шиворот, тек по щекам и стекал в синие кеды.

Бродяга, которого под дождь выгнала жажда наживы, да и сказать, по правде, он уже давно не видел разницы между солнечной и дождливой погодой, покопавшись в помойке, выудил тот самый зонт и немного потрудившись, раскрыл его над девушкой.

Девушка медленно подняла голову, посмотрела на зонт и внезапно горько заплакала. Оказалось, что если с ее глаз смыть пыль оцепенения, то будет видно, что они невероятно зеленого цвета.

Поблагодарив, бродягу она взяла протянутый ей зонт и пошла по городу.

Плача.

Сначала она еще немного поплакала в парке, потом на дорожке, потом прошла мимо все еще счастливой лужи с корками тыквы, не глядя, наступила на корку и естественно – упала в лужу. Девушка, не корка. Корка уже лежала в луже,

это мы знаем. Луже досталось больше всего слез девушки, но именно она и послужила спасением. Немного порыдав в гостеприимных объятиях лужи, девушка заметила, что дождь уже закончился и вокруг этой небольшой катастрофы, стояли пятеро молодых людей и одна старушка, которые хотели помочь плачущей девушке выбраться из лужи.

И только старушка, наступившая на многострадальный зонт, сказала ключевую фразу.

– Зачем вы плачете? Разве вы не можете позволить себе быть счастливой?

Девушка сердито встала, согнала ее с зонта и запальчиво ответила:

– И могу! И буду!

Всех остальных своих спасителей, она разогнала с помощью все того же черного зонта. Потом, прижав его к груди, хотя он был уже похож не на зонт, а на чучело большого черного дрозда, девушка твердо пообещала себе быть счастливой.

И не важно, что еще пару часов назад, она думала, что...

Вообще уже не важно, что она думала еще пару часов назад.

Девушка отжала платье, услышала, что кто-то кричит и увидела, как ей машет рукой хозяйка кафе.

Девушка и зонт пошли на зов, а лужа стала только счастливее, потому что в ее недрах вместе с корками тыквы остал-

ся еще и ярко желтый браслет из неизвестного луже металла.

У девушки действительно были невероятно зеленые глаза и в своем стремлении стать счастливой, прямо сейчас, она была так прекрасна, что все прохожие оборачивались ей в след.

Хозяйка кафе, встретила ее у дверей и накинула на мокрые плечи девушки плед.

– Ну что? Накупалась? Кофе с булочкой?

– У меня денег нет с собой, – простодушно призналась девушка. И пожала плечами. Не рассказывать же этой нарядной женщине в белом платье в красный горошек о том, что денег не было совсем. Не только с собой. Что с утра пришлось сбежать от даже знакомого сапожника, который по большому благу быстренько отремонтировал единственные туфли за один день, но денег совсем не оказалось, чтобы за них заплатить. Что надурил заказчик, что с грохотом и клубами пыли рухнула надежда на Большую Любовь. А потом вырубили электричество, а кроме этих кед и домашних тапочек в виде больших пушистых зайцев, подаренных тем самым... больше нечего было обуть...

В общем, рассказывать было много чего, но девушка ограничилась лаконичным:

– Денег с собой нет.

– Зато есть целый океан слез и дождевой воды, от кофе и

булочки я точно не разорюсь, – насмешливо ответила хозяйка кафе и подтолкнула девушку в зал.

Аккуратно повесив зонт на вешалку, девушка заметила, что хозяйка кафе стояла на полу босиком.

– Новые туфли, вышла в них похвастаться и стерла все ноги, – улыбаясь, пояснила хозяйка кафе, ставя турку на плиту. Для особых случаев, она варила кофе в турке, а не в кофеварке.

А старый зонт, висел на вешалке и думал, что не такая уж его хозяйка и плохая. И на самом деле она его не выкинула, а просто отпустила погулять.

Ведь она же позвала его обратно, правда?

P.S. И не спрашивайте, что стало со старушкой и бродягой. Они мельком пробежались по этой истории, как всегда изрядно наследив и пошли дальше. Ведь у них так много еще не сделанных дел.

Платье

Кажется, что маленькая девочка, в красивом ярко оранжевом платье прощается с детством. Она стоит на ступеньках лестницы и печально смотрит на голубей, на туристов, которые фотографируются на фоне памятника и внушительного здания городской библиотеки. Если повернуть голову можно увидеть Кремль. Но маленькая девочка слишком занята. Внутри ее души идет напряженная борьба. У нее сегодня праздник и красивое оранжевое платье прямое тому доказательство. Они весь день гуляли с родителями и их друзьями по городу, сидели в кафе и ели мороженное, и все время она очень старалась. Старалась не испачкать платье, потому что утром, когда бабушка ее увидела, она сказала ей:

– Ты уже совсем большая. Постарайся не испачкать платье, ты же настоящая принцесса.

И девочка весь день очень старалась быть большой взрослой принцессой. Она стояла на ступеньках смотрела на стаи голубей и думала, что скоро они придут домой, с нее снимут платье и, значит, она больше не будет принцессой? Праздник закончится, она еще немного поиграет в подарки и ляжет спать.

И утром она будет уже просто взрослой девочкой.

Глаза девочки становились все грустнее, и это была совсем не детская грусть, которая быстро смывается слезами. Это была взрослая грусть, замешанная на тоске, на стараниях удержать на кудрявой голове корону, на разочаровании и понимании того, что праздник окончится... Грустная девочка в красивом, ярко оранжевом платье, пыталась выбрать.

Она ведь уже взрослая.

Она красивая как принцесса.

Девочка обернулась на родителей.

Мама сказала ей одними губами: «Ты моя принцесса»

Девочка неожиданно сорвалась с места, разогналась и врезалась в стаю голубей, птицы взмыли вверх, девочка подпрыгнула вместе с ними, поскользнулась, скатилась со ступенек и побежала обратно. Еще не все голуби были согнаны со ступенек. Они смешно удирали от нее, переваливаясь при беге, и почему-то совершенно не пытались улететь.

Детство победило.

А платье... Можно зашить и постирать.

Лимонный пирог с сахарной пудрой

Странный рыжий парень издалека был похож на высокую рыжую пальму, или, если принять во внимание его одежду, скорее уж – швабру. Чистые, но изрядно потертые и потрепанные джинсы, кеды, которые явно прошли много дорог и тротуаров, футболка и толстовка серого цвета, пожалуй, единственным ярким пятном была его шевелюра – короткие неровно остриженные волосы цвета медной проволоки.

Внезапно, как это обычно бывает летом, словно у кого-то наверху прорвало водяной матрас, пошел сильный дождь. Наш рыжий герой зашел на остановку и сел на скамейку под стеклянную крышу. На скамейке уже сидела девушка и, судя по ее мрачному взгляду, она медленно тлела, ненавидя весь мир по какой-то совершенно дурацкой причине.

– Ну да. Я знаю, что в этой кондитерской самый вкусный в мире лимонный пирог с сахарной пудрой, – внезапно начал разговор то ли сам с собой, то ли просто с окружающим миром рыжий бродяга.

Девушка медленно перевела на него взгляд – вдруг он говорил с ней? Тогда ей придется вынырнуть из пучины нена-

висти к себе и к окружающему миру и то ли поругаться с ним, чтобы выплеснуть пар и все то, что определенно было лишним внутри нее, то ли промолчать и терпеть, глядя на дождь.

Победило любопытство. Почему что ей стало интересно, что он скажет дальше. Бродяга пошевелил длинными тонкими пальцами у себя перед глазами, словно проверял, на месте ли они, и пальцы, и глаза, и продолжил:

– Они очень гордятся своими пирогами, и скажу я вам, им есть чем гордиться. Тонкое тесто, кажется почти невесомым и в тоже время таким вкусным, что за один запах можно убить. А прослойки лимонного джема? Не сладкие, но и не кислые, с терпкой горчинкой. А сверху еще горячие пироги посыпают сахарной пудрой, и пудра намокает, но это какая-то особенная сахарная пудра и она становится похожа, когда подсыхает на ломкую сахарную глазурь, понимаете, о чем я? – Рыжий бродяга посмотрел на девушку и та, сглотнув слюну, кивнула. Все те проблемы, которые, навалившись скопом, вызвали ее мрачный ненавидящий взгляд, отступили, перед сладостью настоящего лимонного пирога, с ломкой сахарной корочкой.

– У них там хорошо в этой кондитерской, как во сне. Чисто, тепло, уютно, потрясающе вкусно пахнет, и они всегда предлагают работу, если заглянуть к ним. То мусор вынести, пол помыть, если приболела уборщица. И иногда я да-

же мою витрины и это самое приятное, потому что потом, кажется, что свежeweымытое, яркое стекло тоже пахнет лимонным пирогом. А потом вместе с оплатой они всегда дают мне несколько кусков этого пирога. Но я не ем его. Такой пирог нужно есть дома, на диване, под интересную книжку или фильм. Чтобы за окном был точно такой же дождь, как сейчас вокруг нас. И одеяло, – Рыжий бродяга сделал паузу, чтобы снять со спины смешной полосатый рюкзак и развязать шнурок, стягивающий его.

– Поэтому и не ем. У меня и дома-то, нет, – улыбнулся он девушке и протянул ей ароматно пахнущий сверток. В пергаментную бумагу было завернуто несколько кусков самого вкусного в мире лимонного пирога, с сахарной пудрой, которая сначала намокла, а потом затвердела и превратилась в ломкую сахарную глазурь. Сама себе удивляясь, девушка взяла кусок пирога, под смеющимся взглядом рыжего бродяги и откусила кусочек, прикрыв глаза. А потом прожевав его, закивала, показывая, что да. Все так и есть. И тесто легкое и невесомое, но вкусное невероятно. И лимонный джем, именно такой, как нужно. Не сладкий, но и не кислый, с терпкой горчинкой. А когда она открыла глаза, то на остановке была только она, дождь за стеклянными стенами и пара кусков лучшего в мире лимонного пирога, в пергаментной бумаге, лежащие на скамейке.

Девушка вздохнула совершенно счастливо.

Доела свой кусок пирога.

Остальные она осторожно завернула и пошла вперед, не обращая внимания на дождь, который оказывается, был теплый и совершенно летний. А дома, она выбрала самую любимую книжку, приготовила крепкий ароматный чай, с толстыми кусками лимона и только, когда она уже забралась на диван и свила себе гнездо из пледа и подушек, в одной руке с куском пирога, а в другой с книжкой, наша героиня обнаружила, что налила две чашки чая... Закрыв глаза девушка изо всех сил пожелала, чтобы вторая чашка исчезла сама, найдя дорогу к рыжему бродяге. Вдруг тому именно сейчас хочется чая. А потом она открыла глаза и...

Кри-кри

Сегодня был невероятно жаркий день. На фоне отрицательной, морозной температуры, в том городе, где меня угораздило провести осень и светило встретить весну, двадцать градусов в этом райском месте, на берегу Эгейского моря, казались мне адской жарой и раем одновременно. Возможно, дело было в том, что я уже два часа сидел на солнце, а, возможно, потому что моя подруга, из того самого города, где мороз уже отполз за отметку минус двадцать и грозился минус двадцатью пятью, слала мне гневные сообщения, обещая, такие кары небесные, что даже знание Ветхого и Нового завета меня не спасут. Видимо, поэтому в голове бродили, сталкиваясь друг с другом и вяло переругиваясь, библейские ассоциации. И вовсе я не дразнил ее. Просто прислал несколько видов местности, где я отдыхал... Может быть, чуть больше, чем следовало, но обвинит меня том, что не пытался разделить с ней все самое лучшее? Например, погоду, и отпускное настроение, в данный момент.

Моя подруга, которая вот-вот должна быть моей третьей и, возможно, удачной попыткой связать мою жизнь с кем-то дольше, чем на три месяца, рассказывала мне о том, что на Крите, где я сейчас отдыхал, обитают козочки Кри-кри, которые водятся только в этой части Греции и которые за все ее время пребывания на этом острове так ни разу и не

показались ей на глаза.

Тут нужно сделать небольшое лирическое отступление.

Мне кажется, что, когда-то давно или сравнительно недавно, смотря с чем сравнивать, мы оба родились на свет – на спор. Не знаю, кто и с кем поспорил, возможно, что даже мы сами с собой. И родившись на свет, победным криком оповестили мир о своей победе в этом споре. И так и спорим до сих пор. Мы, даже спокойно и молча, выпить кофе не можем без зубоскальства, споров и боев. Хорошо, если не устроим в кафе или дома, дуэль на зубочистках.

И этих мифических Кри-кри я решил найти, вовсе не для того чтобы сказать ей, что эти козы буквально по всему острову шастают, а она просто смотрела в другую сторону, а для того, что сфотографировать и принести ей это животное, как когда-то один из мужчин привез Золотое руно, для своей женщины, первой захотевшей шубу. Конечно, обосновать, что это для шубы, он тогда не мог, вот и придумал всю эту известную мифическую подоплеку.

Для того, чтобы найти Кри-кри я решил допить кофе и отправиться на прогулку в горы. Для этого нужно было совершить еще один подвиг – оторваться свое, не жаждущее приключений, тело от кресла моего любимого, в этом городе, кафе.

Есть один способ, который придаст мне энергии и заставит сдвинуть мир, если я захочу. Это как, как... Как в детстве, когда ты дразнишь кого-то и, получая ответ, не

злой или обиженный, а такое же поддразнивание и азартную улыбку, блеск в глазах, говорящий о том, что партнер готов вступить в игру, и кажется, что нет более увлекательного занятия, как соревноваться и играть.

«Как там у вас? Потеплело? У нас, кажется, распогодилось, а то с утра было пасмурно и настоящий мороз, всего плюс восемнадцать! Представляешь!», – отправил я сообщение.

«Зараза! У нас минус шестнадцать! Тоже можно, сказать, что потеплело. Вчера было минус двадцать! Вот сейчас, как возьму и перешлю тебе весь этот мороз!», – Она не заставила себя ждать. Я так и представил улыбающуюся Стефу, которая, кстати, совершенно не подходит моему имени. Этот метр шестьдесят шесть, и примерно килограмм семьдесят (тут она тоже поспорит) концентрации каштановых волос, взрывного характера и совершенно невероятной энергии. Ну какая она Стефания? Стефка возможно. Стефочка, если спит и молчит.

«О! Отлично! Шли. А то мне принесли теплый апельсиновый сок, безо льда!»

«!!!»

Ну вот.

Теперь можно встать, расплатиться по счету и идти искать загадочных животных этого острова, пока Стефа набирает в грудь воздуха и придумывает чего бы мне такого ответить.

Со мной вместе, в поисковую экспедицию решили отпра-

витья две моих соседки по гостинице, очаровательные Гортензии, мама с дочкой, Светлана и Елена. Собственно говоря, мы втроем были единственными жителями нашего отеля и бросить их тут одних было бы преступлением, тем более что они давно хотели в горы, а побаивались идти одни.

Когда мы встретились в главном здании, в холле, мне тут же захотелось сфотографировать нашу компанию и отправить Стефе.

Мои гортензии принципиально не носили брюк.

Даже шорт.

Даже купальники, у них, наверное, были в виде платьев.

И сейчас на них были одинаковые платья, шляпки, как и полагается настоящим гортензиям, на улицу нельзя выходить без шляпки, и изящные туфельки, но без каблуков.

– Девочка должна ходить в юбочке? Даже в горы? —, спросил я у них.

– Но это же дисциплинированные горы! Туда можно в платье! – сразила меня наповал ярким примером женской логики мама-гортензия. На месте гор вокруг бухты Мирабель я бы постаралась стать дисциплинированнее и как можно быстрее.

– Ага, – рассеяно ответил я.

Не сказать, чтобы вокруг нашей бухты были горы. Скорее это были мохнатые скалы, оливковые рощи, в которых совершенно сливались с окружающей местность росли церквушки, непонятно как крепящиеся к этим холмам и несколько

пятен леса. Где я и надеялся найти Кри-кри, а мои Гортензии – вдохновения и экзотики.

Через полчаса прогулки главной экзотикой в этих "горах" стали мы.

Все началось с того, что мы решили срезать путь и пройти через овраг, на дне которого, элегантно присыпавшись листьями, нас поджидало единственное на всю бухту грязевое, озеро. А чтобы мы точно не прошли мимо, оно выслало встречать нас свою "деточку" – лужу полную глины и воды.

Мы с мамой-гортензией, осторожно спускаясь, кое-как смогли обойти ее, если честно, мы ее счастливо не заметили, но для всех, кому вы будете рассказывать эту историю – мы ее, конечно же, заметили и обошли, а вот Светлане – не повезло. С коротким полным смирения и покорности судьбе, криком она поскользнулась в этой луже и как шар в боулинге, покатила вниз, сбив одним ударом маму и меня. Дальше мы катились в радостном, полном шишек, местного репейника, листьев и веточек молчании, я молчал, потому что не мог найти достойных моих "гортензий" слов, а они – просто этих слов не знали.

С тремя превосходными плюхами мы вошли в грязевое озеро, как раскаленные ножи в масло. По консистенции озеро было примерно таким же, как растопленное сливочное масло, но не глубокое, к нашему счастью. И теплое...

– Тьфу! – высказалась мама-гортензия.

– Буль, —грустно попыталась оправдаться дочь.

Я хихикнул, представив, как бы сейчас хохотала Стефа. И рассмеялся.

Потому что... Потому что обе моих Гортензии умудрились не потерять своих шляпок, которые, наверное, были прибиты к их головам, или приколоты, сотней хитроумных булавок, и теперь мы были не просто грязными кучками, прикидывающимися людьми.

Мы были карательным грязевым отрядом. Или укоряющим. Местную флору, за то, что она так с нами обошлась.

Отмыться от въедливой критской грязи нам было негде, да и песок, и глина и все, что мы собрали по пути, кажется, успело не только слипнуться в единый панцирь, но еще и немного прирасти к нашей коже и волосам.

Какие уж тут козы, мне кажется, что шум, который мы производили при попытке выйти на дорогу, услышал даже минотавр, в лабиринте на другом конце острова. Хотя, мы сами сейчас были похожи на небольшое семейство минотавров.

Мы вышли на дорогу. Мои очаровательные гортензии никак не желали расставаться со своим шляпками, которые под критским солнцем тут же запеклись с набранной грязью в сплошной монолит и превратились в шляпки грязевых грибов. Мои кудрявые волосы, которые я отрастил до плеч, впервые где-то на первом курсе и с тех пор прическа не менялась, пропитались грязью и всем, что я собрал, катясь вниз по оврагу, и, встав дыбом, превратили меня в многорожку

или медуза Горгона. Решив пригладить волосы, я зачем-то закрутил их в два рога и стал похож на знаменитого человека-быка с этого острова.

С печальным шелестом, грязь с нашей кожи ссыхалась и кое-где отпадала струпьями.

Почему-то никто не хотел подвозить двух грязных грибов и одного Минотавра, который каждые пять минут останавливался и складывался пополам то ли от смеха, то ли пытаюсь забодать кого-нибудь.

Так мы дошли пешком практически до нашего отеля.

Помечая дорогу осыпающейся с нас грязью, мы дошли до вилл, небольших двухэтажных домиков, в этом отеле в не сезон сдавали только домики-виллы, а в главном корпусе был открыт только первый этаж.

Гортензии жили на первом этаже виллы, а я на втором.

Лестница на мой этаж была снаружи, и, когда я поднялся на несколько ступенек на последней, верхней ступени я увидел ее. Ну точно. Похожая на маленькую собаку, с выпученными, немного мультяшными глазами и черным шерстяным крестом на шкурке, на спине.

Знаете, по-моему, эта коза злорадно хихикала надо мной в этот момент.

Продавец молока с Церковной улицы

На самом деле это был даже не парк и не сквер, а небольшой надежно спрятанный от шумной улицы, дворик. Такие теплые, уютные места есть почти в каждом городе, но здесь, в Лондоне создается впечатление, что этот город в выходные ездит по другим городам с большим блокнотом или фотоаппаратом и фотографирует наиболее пришедшиеся ему по душе дворики и скверы, чтобы потом "проявить" все увиденное у себя дома. А может быть все наоборот и где-нибудь за Холланд-парком, в уютном кафе «Принцесса Анна» старые города собираются за большим кофейником и, угощаясь ароматным кофе, обсуждают и придумывают самые лучшие места для того, чтобы... Просто для того, чтобы.

Дворик находится по дороге вниз по улице Хай Кенсингтон-стрит, в сторону станции метро Эрлс Корт, то довольно легко пропустить неприметный указатель "Церковная улица", он практически спрятан под ветками большого каштана, который рос тут еще в те времена, когда и самой улицы не было. Иногда эту улицу еще называют "Церковным закутком". Несколько небольших старинных церквей, не выше двухэтажного дома, словно сошли с открыток с видами Викторианской Англии, закутили пространство этой улицы

так, чтобы вы попали в лабиринт, состоящий из стен дикого камня покрытого вьющимся плющом, старых деревянных дверей церквей и примыкающих к ним домов. А путеводной нитью в этом царстве изумрудно зеленой травы и аромата свежих бисквитов служат бодрые британские бабушки, которые могут вывести вас куда угодно даже в соседний город, ведь когда вы не знаете куда идти, действительно можешь попасть куда угодно.

И вдруг, когда вам покажется, что эта улица, которая на самом деле совсем небольшая, уже никогда не кончится, вы окажитесь на небольшой площадке, со всех сторон надежно защищенной стенами домов и церкви, увитых розами, где под сенью двух больших платанов прячутся три скамейки. Это он и есть – «Церковный закуток».

И даже в самый пасмурный день создается впечатление, что солнце не просто заглядывает сюда, а присаживается отдохнуть и выпить чая. Правда, этому чаю, по мнению Солнца чего-то не хватает. Но ему и так хорошо. Когда чай выпит солнце разбивается о витражные окна одной из церквей и украшает этот двор тысячью разноцветных солнечных зайчиков.

А непонятно откуда взявшийся в этом дворике ветер гоняет по утопанной земле осенние листья, кажется, у него в этом деле есть большой опыт и особая цель, конечно же, он

хочет, чтобы осенние листья за несколько коротких осенних месяцев увидели как можно больше мест.

На одной из скамеек, этим ранним утром спал Кот, если бы он сейчас открыл глаза, то мы бы увидели, что они удивительного, кофейного цвета. Хотя, на самом деле он всегда спит в этом дворе и на этой скамейке. Даже зимой. Кот так органично вписывался в окружающее пространство, что создавалось впечатление, будто это не он пришел поспать на скамейке во дворе, а это двор, дома и деревья выросли вокруг спящего Кота. Кот спал и лениво дергал ухом во сне, а Город тем временем просыпался, тянулся, зевал, пожимая плечами, у них с Котом был давний, свой разговор. Из лабиринта, в дворик практически прокралась маленькая красная машинка больше похожая на кастрюлю на колесах и, осторожно вздохнув всеми частями своего, местами, металлического тела, начала медленный процесс парковки. Эта сцена повторялась практически каждый будний день ровно в семь утра. Это приезжала на работу Агата, учительница начальной школы. Тот звук, который многие принимают с которым заглушается и выключается двигатель машины, по мнению Кота, был вздохом облегчения старушки машины, что ее работа на сегодняшнее утро закончилась и она может спокойно поспать несколько часов.

Одновременно этот вздох облегчения служил для Кота своеобразным будильником и, услышав, как она подъехала

Кот сел на скамейке в позе "копилки" обвив лапы хвостом, и стал ждать дальше. Через полчаса на велосипедах приехали Отец-настоятель церкви и помощница в церковном доме. Брат и сестра – отец Виктор и Агнесса. Каждый из них проходя мимо Кота, потрепал его по голове совершенно одинаковыми движениями. Кот одинаково приветливо кивал и им, и остальным обитателям улицы. А ровно в восемь утра Кот спрыгивал со своей скамейки, перед тем как окончательно убедиться, что утро на его улице наступило. И ровно в восемь утра на Церковной Улице появлялся один из самых необычных обитателей этого района. Продавец молока Эрнесто. Скажите, что же в нем удивительного? Но кто будет покупать молоко в большом городе, сейчас, когда стоит вам зайти в ближайший супермаркет, и там вы найдете сразу несколько видов молока. На выбор. Но молоко Эрнесто всегда было свежим, вкусным и, кажется, приносило удачу.

К тому же он был кем-то вроде живой газеты Лондона. Эрнесто всегда знал все обо всех и обо всем, и самое главное, появлялся именно тогда, когда он был нужен, на это небольшой улице.

Первым делом он, проходя мимо красной «кастрюли» на колесиках погладил страдалицу по боку. Потом, картинно пригладил усы и постучал в дверь здания школы. Конечно же, туда не вовсе не нужно было стучаться, но сейчас учеников там не было, а Агата, видела его в окошко и когда Эрнесто постучал тут же открыла.

– А мне как раз чего-то сильно не хватало к чаю! И про Кота нашего не забыли? – Эрнесто молча, кивнул и показал головой в сторону скамейки, под которой уже стояло блюдечко, наполненное лучшим молоком. При всех своих достоинствах продавец молока был еще и удивительно молчалив.

Агата традиционно пригласила Эрнесто на утренний чай – утренний чай по будням, был, как традиционная летучка в офисах по понедельникам. За двадцать минут Агата успевала пожаловаться на все, на что можно пожаловаться и рассказать обо всем, о чем можно рассказать. Под спокойным взглядом темно-карих, кофейного цветка, бархатных глаз Эрнесто Агате всегда казалось, что все проблемы на самом деле, лишь пустой молочник, куда следует налить молока и выпить с ним кофе в перерыве между классами и тогда мир вокруг обретет совсем другие цвета.

Выпив чая с Агатой, Эрнесто отправлялся в приход, где картина повторялось. Только там, продавец молока не продавал молоко. Он помогал. То подправить покосившийся ряд, то выправить стол или стул, а потом он варил особый, черный кофе, который очень уважали Отец Виктор и Агнесса, но никогда бы в этом никому не признались. А как же чай с молоком? А как же сливочный латте? Ведь именно это положено пить на этой улице. Но отказаться от кофе Эрнесто было просто невозможно. А молоко шло на молочный пу-

динг, который готовила Агнесса и который же, в свою очередь был любимым лакомством продавца молока. Поэтому «второй завтрак» протекал в атмосфере тишины и всеобщего наслаждения, как и должен начинаться правильный день.

Раскланявшись с друзьями Эрнесто шел дальше. Он разносил молоко по домам на этой улице, и все хватало не только молока, но и тепла его большого сердца.

А потом, днем, на Церковную улицу снов заглядывало солнце. Оно светило сквозь листву деревьев, сидело на скамейках и, в общем-то, было совершенно счастливо, потому что теперь в его утреннем чае было то, чего так не хватало утро. Капелька молока, которую Эрнесто якобы оставлял для Кота.

Сам же Кот возвращался на своем месте вечером. Ложился на скамейку и, глядя на пустое блюдечко улыбался в душе, потому что в отличие, от солнца и всех остальных обитателей этой улицы, он совершенно не любил молоко. Но каждый день, рано утром и до середины дня у него на этой улице были свои дела, нужно было пригладить пушистые усы и внимательно слушать ...

Хороший день, чтобы не умирать

В одном старом доме, под звук капающих с потолка, в железной таз, стоящий на столе, капель, собирался умирать пожилой господин. На самом деле, ему вполне можно было и не торопиться на свидание со Смертью, но в последнее время он решил, что пора уже и честь знать.

Во-первых, он был, по его мнению, нечеловечески стар. И точно так же нечеловечески одинок. Дети уже выросли и разъехались и хоть они звонят ему практически каждый день, он все равно тешил себя надеждой, что одинок.

А что? Все его друзья уже на том свете, машут ему с небес, а он все еще таскает каждое утро в парк и магазин за углом свои стоптанные башмаки. И не важно, что старший сын уже давно купил ему новые, и младший, и средний, все они приносят ему новую обувь и одежду, как будто она ему нужна! Он старик! И с утра у него кололо в боку, и ныла коленка, а еще эта старая кошелка, соседка, пусть она и моложе его на десять лет, но все равно кошелка, постоянно жалуется на жизнь и говорит, что засиделись они уже на этом свете и мешают жить молодым. Вот Старик и решил умереть под эту дурацкую капель. Давно пора уже вызвать мастера, чтобы он починил крышу, но зачем, если он скоро умрет? Вот пусть

сыновья и вызывают... А у этой... У нее еще имечко такое – Друззила. Надо же такое выдумать. У нее, кажется, две дочери и камни в почках, вчера она как раз остановила его у подъезда и начала жаловаться на камни. А он что? У него тоже, может камни есть, просто он не знает про них, а так бы тоже жаловался. Да и вообще, что она о себе возомнила? Думает, что ему совсем не на что пожаловаться?

Старик поежился, что-то стало зябко. Может окно закрыть? Или это верный признак того, что подкрадывается смерть? И вообще, что эта Друззила себе позволяет? Утром сегодня говорила, что недолго ей осталось, как она может умереть раньше него, если он старше нее на десять лет? Тоже мне. Старик сел на кровати. Сердито посмотрел на потолок, а потом встал с кровати, заправил ее и вышел из квартиры. Его соседка по площадке, та самая пожилая дама по имени Друззила никогда не запирала входную дверь своей квартиры, чтобы, если она неожиданно умрет ее, не пришлось бы ломать. Старик открыл соседскую дверь и решительно заорал туда во всю мощь своих легких, (Друззила была еще и глуховата), – Бонжур, соседка!

Услышав скрип кресла, он понял, что Друззила, не спит.

– Негоже умирать на трезвую голову, как насчет хорошего коньяку и танцев до утра, под пластинки нашей молодости?

– Ох, ну наконец-то, а то я уже заждалась!!! – провонила в ответ Друззила, которая искренне считала, что если она

плохо слышит, то и весь мир вокруг глуховат, поэтому, когда она разговаривала с дочерьми по телефону, по всему этажу сыпалась штукатурка с потолка. Царственно выплыв из своей спальни, соседка кокетливо склонила голову

– Приглашаешь?

Пожилой джентльмен подставил ей локоть, и они вышли из квартиры.

Конечно, они не танцевали, они лишь пили коньяк, вкусно щурились, закусывая тонкими ломтиками лимона и глядя, в окно эркера, на засыпающий летний город, думали о том, что это был отличный день и вечер для того, чтобы не умирать.

А завтра будет завтра и нужно будет вызвать мастера и починить, наконец, эту крышу и потом, когда придет зима, можно будет пить наливку и долго спорить кто же из них старше и большее и кто более одинок.

И не умирать.

Ангел с улицы Пикадилли

Все мы время от времени молимся. Не обязательно, что мы молимся кому-то конкретному, скорее мы молимся о чем-то конкретном.

И для каждой молитвы есть свой Храм. Не верите? Приведу вам простой пример – Распродажи в магазинах. Сколько молитв там возносится о том, чтобы был правильный размер, чтобы на все хватило денег, и чтобы эта распродажа не кончалась никогда.

Все мы молимся о чем-то или о ком-то сотни раз на дню и порой даже не замечаем этого.

Я шла по улице Пикадилли, к знаменитому «кругу» и статуе Эроса настолько глубоко погруженная в свои мысли, не самые плохие, кстати сказать, что практически не замечала того, что происходит вокруг. Где я иду, и вообще, какая в данный момент погода? Хотя нет, погоду я отметила, было по-английски привычно, ветрено. Мысли в моей голове шли, как прохожие вокруг, вежливо извиняясь, если вдруг задевали кого-то, и сосредоточенно двигаясь куда-то по своим делам. Две мысли я все-таки выделила: в этом городе я почему-то совершенно не уставала, даже ноги не желали себя прилично вести и гудеть от количества пройденных улиц и километров, и это начинало мне нравиться, и, почему-то, я не хотела кофе. Вернее, я не хотела его, после выпитых пары

чашек, конечно же. Но обычно я не ограничивалась пятью чашкам в день, и часто выпивая одну, я уже думала о другой, а тут не хотелось и все. А еще я волновалась об одном человеке, и это тоже занимало немало места в движении потоков по моей «мысленной авеню».

И погруженная во все это, я чуть не споткнулась о сидящего на ступеньках подъезда, человека. Это было стопроцентное порождение большого города – уличный продавец. Из тех, кто ходит из города в город своими, тайными тропами, и продают на улицах поделки и сувениры ручной работы, которые сами же и делают где-то тут, за углом. Правда, этот угол может начинаться в Лондоне и завернуться где-нибудь в Дрездене или Варшаве.

Извинившись не меньше сотни раз, как это было тут положено, я уже собиралась было пойти дальше, когда заметила, что он продавал. Я сделала шаг назад и тут же, загорелась приветливым огоньком лампа похожая на миниатюрный уличный фонарь, стоящая рядом с его лотком.

Наверное, под лотком была кнопка, которую незаметно нажимал ногой продавец, торгующий сделанными из бумаги ангелами.

– Это что, фокус какой-то? – немного сердито сказала я.

– Нет, мэм, что вы. Это просто значит, что вам есть к кому на помощь послать одного из этих малюток. Ангелы всегда приходят на помощь. Всего десять пенсов и я отправлю к этому человеку..., – рука продавца замерла над лотком и

после секундного промедления он вытащил из толпы бумажных, крылатых малышей, смешного ангела с нарисованными на его голове темными густыми волосами, – вот этого Ангела.

– А разве Ангелы помогают за плату? А как же безвозмездно творить добро? – усомнилась я.

– Они делают его совершенно бесплатно. Но ведь и им иногда нужны деньги на дорогу и чашечку кофе на обратном пути? – рассмеялся продавец. Его смех был таким заразительным, что улыбнулась и я. В самом деле, десять пенсов, это не такая уж большая плата за хорошее настроение.

– Тогда я беру этого малыша, – сказала я, кладя на прилавок монетку в двадцать пенсов, – А на сдачу отправьте кого-нибудь из них наверх, сказать: «Спасибо».

– Так не за что пока. Тем более, туда, наверх, так далеко добираться... думаю, ему понадобится двадцать пенсов, ну или, хотя бы пятнадцать. Но он обязательно доберется!

Вот ведь бродяга вымогатель! И так улыбается, что самой хочется рассмеяться, а не сердиться на него. Рыжий продавец бумажных ангелов и хорошего настроения, получил свои тридцать пенсов, а я пошла дальше, осторожно положив бумажного Ангела в карман. И, конечно же, когда я вернулась в номер, и мне пришло известие о том, что все на свете хорошо и те, о ком я волновалась, справились, бумажного Ангела в моем кармане уже не было.

И мне оставалось лишь заварить себе кофе, который снова

кофейным завитком, как шарфом, так нужным в Лондоне обвил мою шею и плечи и шепотом помолиться о том, чтобы второму бумажному Ангелу хватило двадцати пенсов и сил, чтобы добраться наверх и передать мое «Спасибо».

Друзья

Это был совершенно потрясающий старик. Его осанкой как книжной закладкой можно было бы закладывать книжки на самых интересных местах. Глаза насыщенного синего цвета притягивали взгляды, а губы, которые он сжал в тонкую, серьезную линию не могли никого обмануть. Потому что такие морщинки вокруг глаз бывают только у очень любящих улыбаться людей. Старик шел по одной из тропинок Холланд-парка и, вместе с огромной черной собакой самой повышенной лохматости, которую только можно себе представить, смотрелся в этом месте очень уместно. Словно не Старик пришел в парк, а парк вырос вокруг Старика, и с традиционной британской вежливостью проложил под сотни разных тропинок, чтобы Старику было, где выгуливать его собаку, больше похожую на клубок теней.

Тени эти шевелились, дружелюбно порывивали на голубей и белок, а один раз остановили катящуюся с легкой горки коляску, просто встав на ее пути. Коляска затормозила об огромную собаку мягко, и спящий в ней ребенок даже не моргнул, а бегущая за коляской мама, с разбитыми коленками и испачканным платьем была готова обнимать и целовать не только: ребенка, коляску, огромного пса и его хозяина, но и фонарный столб, которому посчастливилось присутство-

вать при этом событии. Про этого Старика ходят много слухов, но стоит один раз увидеть их – Старика и его большую черную собаку, что сразу становится понятно – эти двое гораздо круче любых слухов.

Говорят, что Старик знает ответы практически на все вопросы, и даже, если вы остановите его и спросите: в каком году родился Иван Грозный или сколько времени сейчас в Гондурасе, он, не задумываясь, ответит. А еще говорят, что этого пса видели тут еще задолго до появления Лондона, но тут, к счастью или к сожалению найдется не так много свидетелей способных подтвердить это.

Дойдя до шахматной доски, с фигурами, сделанными в рост пятилетнего ребенка, Старик некоторое время играет сам с собой в Шахматы, а Пес лежит у края поля и следит, чтобы его хозяин не жульничал. Так они развлекаются, пока где-то в Гринвиче не кивнут часам на одной из самых узнаваемых башней с часами, что уже пять часов дня, а это значит, что пора пить чай. А Старику и Псу пора есть мороженное. Они доходят до лотка с мороженным и, поспорив немного, как обычно, выбирают сливочное. Два сливочных пломбира.

А потом уже и домой пора. Пес и Старик доходят до ворот парка и, потрепав собаку между ушами, Старик растворяется в воздухе. А Пес, прихватив поводок зубами, неторопливо переходит дорогу и поднимается по ступенькам небольшого

дома, у двери, выкрашенной в вишневый цвет, он широко зеваает, что придает ему сходства со статуей рычащего льва, которая установлена недалеко от дома и пару раз гавкает.

– Мама! Малыш вернулся! – маленький Микки открывает дверь и впускает Пса, который для него, чаще выполняет роль пони, чем домашней собаки. Пес стоит на коврике и ждет, пока мама Микки принесет ему мокрую тряпку, которой Микки вытрет ему лапы. Как только мама Микки появляется с тряпкой, Пес тут же падает на спину и поднимает лапы вверх, зная, что это приводит в восторг его маленького хозяина. А его маму... Его мама в очередной раз решает не думать, куда каждый день ходит их Пес. Ну, нравится ему гулять где-то пару часов в день, что в этом страшного? Зато посмотрите, как счастлив мальчик!

О чём-то важном

Однажды, решив, что я уже достаточно для этого созрела, и вообще... Правда, «и вообще» было основной причиной, я решила написать историю про любовь. Притом, история должна была быть про такую любовь, чтобы самой потом читать и верить, что «такая любовь!» существует.

Решив подойти к этому серьезно, я поделилась идеей идеальной истории про любовь со своей сестрой. И, в отличие от меня, она отнеслась к этому гораздо серьезнее и сразу же на меня обиделась, потому что ни одна из предложенных мной идей про любовь, ей категорически не понравилась и вообще, по ее мнению, писать про любовь можно только стихами.

– С тобой говорить серьезно совершенно невозможно! – вздохнула Света и пнула сбежавший с детской площадки мячик.

– Со мной и молчать серьезно невозможно, – честно ответила я и собралась было, тоже что-нибудь пнуть, чтобы доказать серьезность момента, но, как назло, единственное, что было рядом со мной – угрожающего вида бетонный столбик, из тех, что так плотно окапываются в асфальт, что один взгляд на них может грозить переломом пальца на ноге. Света проследила мой взгляд и хихикнула. Ну да, конечно, не всем достаются мячики. Некоторым, по жизни, больше всего

везет на бетонные столбы. Время от времени, мы с сестрой немного спорим. Вот и сейчас, когда я поделилась с ней идеей написать книжку про любовь, я не успела еще даже подумать о том, что лично моя история любви не подойдет, как сестра тут же начала спорить. И естественно, что несмотря на то, что эта история уже закончилась, я решила ее отстаивать. Чувство сестринского противоречия сможет править миром, если не переспорит само себя.

– Например, он забыл про твой день рождения! – привела пример моего неудачного выбора, сестра.

– Так я сама про него пару раз забывала.

– Даже тогда, когда мы прошлым году отмечали твой день рождения в Португалии? – Прищурилась моя сестра.

– Я до сих знаю, что была в Португалии исключительно благодаря фотографиям в твоём телефоне и печати в моём паспорте! Я не виновата, что на пересадке в Амстердаме я попробовала глинтвейн, – попыталась оправдаться я. Что правда то правда, глинтвейн в Слипхоле, аэропорту Амстердама оказался алкогольным, а я просила без. Что было дальше, не помню, потому что традиционная реакция моего организма на алкоголь, это – позволить сознанию уйти в отпуск еще до того, как вторая ложка микстуры от кашля с капелькой спирта достигнет горла, например. В общем, как говорит наша мама «Ты и с корвалола будешь так гулять!»

– А в этом-то году забыл!

– Зато потом мы отлично его отметили.

– Он засыпает всякий раз, когда читает первые пару строк на странице в твоей новой книге! – попробовала предъявить один из самых убойных, с ее точки зрения, аргумент Света.

– Да ладно тебе. Он засыпает еще на фамилии автора, – пожалала плечами я.

А что я могу поделывать, если у меня не просто длинная фамилия, да еще и двойная?

Сестра переложила сумку в другую руку и пнула пластиковую бутылку по направлению к мусорке, вот ведь везет некоторым людям, им все время попадается под ноги то, что можно пнуть. А мне – опять бетонный столбик.

– Он бесчувственный!

– С чего ты взяла? С того, что он не плакал, когда мы все пошли смотреть ту мелодраму? Так этот парень как-то раз порезал два килограмма лука, для жаркого тети Нуну, так клянусь тебе, к концу процесса – заплакал лук и нож! Сильвера ничем не прошибешь! – f это, кстати, было причиной моей острой зависти, потому что я сама начинаю рыдать даже от того, что лук начинают резать наши соседи снизу.

К слову сказать, из бывшего мужчины всей моей жизни получился бы идеальный герой для любовной истории. И, кстати, про мой день рождения он не забывал. Он тогда про него просто еще не знал. А так – идеальный. Спокойный. Немногословный, зато умеющий слушать. Терпеливый, но, как показал опыт совместного проживания со мной

– не бесконечно терпеливый, преданный... В общем, почти идеальный. Почти – потому что пару дней назад мы разошлись. Притом, мы умудрились поспорить по исключительно дурной причине. Я начала доказывать Сильверу, что в Санта-Клауса или его собратьев по миссии не просто можно верить, будучи взрослым, а именно будучи взрослым, нужно окончательно поверить в то, что он существует. Потому что дети загадывают скорее не желания, а «хотелки». А вот настоящие желания – это уже к взрослым. И, как мне кажется, что то, что часть этих желаний не выполняется и есть прямое доказательство существования Санта-Клауса. Потому что кто-то может до сих пор желать белого пони и мира во всем мире, а кто-то хочет этот самый мир поработить и искренне желает стать его властелином.

Как-то так.

А Сильвер сказал, что я, как обычно, валяю дурака. Ну, кто такое говорит под Рождество?

– Хорошо, тогда что, по-твоему, идеальная любовь?

– Тетя Нуну и дядя Тони.

Мы как раз подходили к дому вышеупомянутых родственников и уже около подъезда поняли, что именно сегодня мы сюда зря пришли. Потому что крики тети Нуну было слышно от почтовых ящиков. Нашу тетю, конечно же зовут не Нуну, а Нина, как и дядю зовут не Тони, а Антон, просто у детей, которыми все мы когда-то были свои представления о пра-

вильных именах для их любимых взрослых.

Тетя обладала невероятным темпераментом и волновалась всегда и обо всем. А дядя умудрялся в самые неподходящие моменты прикинуться глухим и, когда тетя выпускала пар, ровным голосом спрашивал у нее, что еще нужно сделать. Света считала, что это любовь. Лично я считала, что это, конечно же, любовь, но еще и хорошо развитый инстинкт самосохранения. И пока не очень понятно, что больше.

Правда, когда мы дошли до квартиры, то там все было на удивление мирно. Дядя наливал тете чай, а она встречала нас с видом «самой забытой всеми в мире тетушки».

Сестра взглядом показала мне на кухонную идиллию, намекая на то, что именно такой должна быть самая правильная любовь.

Я пожалала плечами.

Нет, не так я представляла свою историю про идеальную любовь. Мне казалось, что все должно быть как-то... Тоньше?

Мне мечталось, что в идеальной любви обязательно будет что-то такое, возвышенное, нежное, томное, на грани... даже не знаю. Хотя вот, дядя Тони, например, для тети Нуну сделал ручку для сковородки. Какая современная женщина сможет похвастаться тем, что ее муж сделал ручку для сковороды? Когда их можно купить сколько угодно и где угодно?

но? Хоть пучок на рынке и на развес? Правда, это не просто сковородка, эта чугунная сковородка на которой готовила еще бабушка тети Нуны и знаете, что? Нигде и никогда я не ела таких же вкусных жаренных пирожков с сыром с и зеленью, как делает тетя Нуну на этой сковородке.

– Тетя Нуну, а как вы думаете, как может начаться история про самую идеальную в мире любовь? – спросила моя вероломная сестра.

– Я думаю, что она определенно должна начаться совершенно неподобающим образом, – невозмутимо ответила Тетя.

И поздним вечером я стояла у дверей своего подъезда и думала о том, что даже и не знаю, кого мне теперь за это благодарить и что делать. Потому что именно меня угораздило после долго дня мечтаний о возвышенном и представлений о том, где именно, как и при каких обстоятельствах, что греха таить, под обстоятельствами в моих мыслях фигурировали даже похищения инопланетянами, встретить совершенно пьяного... джина.

Его костюм был прекрасен. А он сам был беспробудно пьян. Вместо лампы Джин держал в руках огромный зонт и время от времени, опираясь на него пытался встать. Но земля все же вертится и, для некоторых джинов она, видимо, вертится слишком быстро и джин снова падал на ступеньки, переворачивался, клал голову на руки и пытался смотреть на

звезды. Со звездами у него тоже выходило не очень, потому что смотрел он в козырек подъезда.

– О! Шахерезада! – икнул он, увидев меня.

– С общей сказочной географией вы не угадали, зато хоть с полом не промазали, – ответила я, – вы к нам желания исполнять пришли или сами желаете? Помощи?

Джин рассмеялся и продемонстрировал мне ключи от квартиры. На этом силы его кончились, и он попытался уснуть на ступеньке.

– Я просто устал.

– Все так говорят, – грустно ответила я. Конечно, то, что Джин так надрался в то время, пока я искала идеальную любовь, это было глубоко его проблема. Но не в моих правилах бросать нетрезвых сказочных персонажей на улице. Тем более, что ночью обещали дождь.

– Эй, раб лампы, на каком этаже ты живешь?

Джин, опираясь на мое плечо, помахал в воздухе растопыренной пятерней, и попытался свалиться с меня, но у меня много племянников, так что играть в большую черепаху я умею очень хорошо, еще никто из маленьких наездников с меня не сваливался. И большого я тоже смогу удержать.

В лифте Джин называл меня Шахерезадой, говорил, что у меня прекрасные глаза, только он никак не может определиться какие из моих глаз прекраснее, и обещал не три, а це-

лых пять желаний. Одно я тут использовала, пожелав, чтобы он назвал номер своей квартиры.

К которой я его все же доставила. И даже помогла открыть дверь на этаже и убедилась в том, что Джин все же смог открыть дверь своей лампы, тьфу, квартиры.

Перед тем, как ее закрыть, дверь, не лампу, Джин обернулся ко мне, посмотрел на меня удивительно трезвым взглядом и сказал, – Идеальной истории – не обещаю, но четыре желания, ты помнишь, да, Шахерзада?

Правда, после это этого он пожелал доброй ночи выставленному в коридор велосипеду и крепко поцеловал дверь в косяк. Так что я не очень-то ему верю.

Не очень... А вы?

Откуда прилетала Утка?

Стивен всегда искренне любил свою работу. Он был охранником в Национальной галерее, в Лондоне, и вся его работа заключалась в том, чтобы стоять у нижнего входа в Галерею и смотреть на Трафальгарскую площадь и всех, кто входит в Галерею.

С его места была отлично видна колонна с памятником Адмиралу Нельсону и при желании, когда у него было время размять ноги и походить перед входом, он мог увидеть всю площадь и фонтаны и даже громадного синего петуха, которого установили в этом году летом и обещали убрать к Рождеству.

Сегодня днем он заметил девушку, которая стояла у колонны и смотрела на памятник Адмиралу задрав голову. Смотрела и смотрела, мало ли туристов проходят тут за день, но эта девушка привлекла внимания Стивена своим нетуристическим видом и какой-то настойчивостью. Она несколько раз обошла площадь, осмотрелась, потом снова подошла к колонне, долго и внимательно ее разглядывала, сверилась с картой, исчезла ненадолго и снова вернулась к колонне.

Стивен не выдержал, попросил напарника отпустить его ненадолго и вышел на площадь. В их обязанности входило время от времени, обходить площадь, чтобы проверить все

ли на ней в порядке, вокруг Галереи и нет ли подозрительных предметов.

– Простите, а что вы там высматриваете? – обратился он к девушке.

Та опустила голову, и совершенно не смущаясь, искренне спросила, – А вы хорошо знаете сказки?

– Более или менее, – осторожно ответил Стивен.

– У Дональда Биссета есть сказка про памятник Адмиралу Нельсону и утку, которая пролетала мимо. Вот я и думаю, откуда могла прилететь утка и почему в этой сказке, памятнику было так скучно? Ведь здесь всегда очень много туристов и не только.

– Про скуку могу ответить, он стоит на колонне, а редкий турист может достать до нее, вот и Адмиралу и не с кем поговорить, – совершенно серьезно ответил Стивен. Колонна с памятником Адмиралу Нельсону и в самом деле была очень высокой, а Стивен и в самом деле искренне считал, что стоять там высоко памятнику было одиноко.

– А утка? – пытливо спросила девушка.

– Гм... Наверное, она прилетала из Парка Святого Джеймса. Он ближе всего и там есть водоем. И в нем водятся утки мандаринки, это я знаю точно.

Девушка тепло поблагодарила, а Стивен вернулся на пост, весь день мимо него текла людская толпа и каждого нужно было хотя бы окинуть взглядом. Можно смело сказать, что вместо Стивена работало его чутье, а голова в то время была

занята. Все же что-то в этой истории было не то.

– Слушай, Дэн, а ты помнишь ту сказку, Дональда Биссета про колонну Адмирала Нельсона и утку? – спросил он у напарника.

– Помню, кто же ее не помнит.

– Как ты думаешь, откуда та утка могла прилетать к памятнику?

– Наверняка из парка Святого Джеймса. Там точно водятся утки..., – засомневался напарник.

Где еще заниматься на первый взгляд глупым делом, как не на работе? Особенно если твоя работа позволяет тебе позвонить жене и спросить у нее. Дэн, напарник Стивена так и сделал. Его жена, очаровательная Триша, как раз сидела дома в ожидании появления на свет их второго сына и кому, как ни ей быть знатоком сказок? Хотя, правильнее сказать, что дома она как раз не сидела, потому что в данный момент была в гостях у родителей в Абердине. А дома была няня и их первый сын, пятилетний Гарри.

– Честно говоря, не помню. Но ты можешь посмотреть сам в книжке, когда придешь домой. Она у нас точно есть, – Ответила Триш. Она немного схитрила. Совсем недавно она как раз читала несколько сказок из этого сборника их сыну и отлично помнила сказку про памятник Адмиралу Нельсо-

ну. Вот пусть теперь этим займется Дэн, а то он все время говорит, что сейчас сказки читать детям не нужно, они сами кому хочешь сказок порасскажут.

Стивен тем временем, сдал свою смену и пошел домой через парк Святого Джеймса. Когда он дошел до Мола – (длинной парковой улицы, идущей мимо музея Вооруженных сил и нескольких дворцов) эта улица как раз вела к тому выходу из парка около которого находился квартал, где жил Стивен, он земного задумался. Здесь можно было повернуть к озеру парка Святого Джеймса и посмотреть на уток. Почему-то Стивен был уверен, что если он посмотрит на уток, то сразу убедится, что именно отсюда уточка из сказки и прилетала к памятнику Адмиралу Нельсона.

Утки в парке были, правда, настолько упитанные, что Стивен даже немного засомневался, в их способностях к полету.

Но снова что-то в этой истории было не то.

Стивена докрошил уткам булку, посмотрел на часы и решительно встал со скамейки. Если он немного поторопится, то успеет выйти из парка и зайти в книжный магазин на Ридженс-стрит. В конце концов, дома его сегодня не ждало никаких срочных дел.

В магазине, как обычно было много народу, и очень боль-

шой раздел английских сказок.

Стивен подошел к консультанту и попросил у него сборник сказок Дональда Биссета.

– О! Это же мои любимые сказки! Про утку и Адмирала Нельсона, например! – Обрадовалась миловидная девушка-консультант.

– А там указано, откуда прилетала утка? – зачем-то спросил Стивен.

– Да вроде нет..., – смутилась девушка. А потом вдруг рассмеялась, отсмеявшись, она кивнула оторопевшему Стивену, который подумал, что девушка смеется над ним, как же такой взрослый и солидный, а озаботился проблемой сказок.

– Подождите меня тут! Я вспомнила! И сейчас принесу книжку.

Когда она вернулась с книжкой, то сама открыла ее на нужной странице и показала картинку к сказке и саму сказку, которая помещалась на одной странице, Стивен пробежал по ней глазами и улыбнулся...

Дэн, уложил сына спать и, открыв книжку на нужной сказке рассмеявшись, позвонил жене, которая, конечно же, была в курсе. Большинство мам не только в курсе того, что происходит в сказках, но, кажется, даже знают, чем занимаются герои в их отсутствие.

А вот что стало с девушкой, которая утром смотрела на

колонну и заинтересовала Стивена сказкой, мы не знаем. Но говорят, что ее видели на вокзале Кингс-Кросс, кажется, она смотрела на рельсы и картинку старинного паровоза и о чем-то напряженно думала. А потом, спросила у уставшей от всего на свете женщины, которая подошла к ней спросить все ли в порядке и, которая давным-давно перестала верить в сказки, с этого ли вокзала по рельсам, смазанным черничным вареньем ездил к своей бабушке маленький паровозик? Та задумала, и почти уверенно кивнула. Почти, потому что не была уверена до конца, кажется, в этой сказке что-то было по-другому.

Конечно, как и в первой. Варенье было клубничным и в гости ехал не паровоз, а сам вокзал. И звали его, кстати, Чаринг-Кросс.

И никакой утки рядом с памятником Адмиралу Нельсона не было. Это была домашняя курица, которая перебежала через дорогу и услышала грустные слова памятника о том, что ему совершенно не с кем поговорить. А куда шла курица, перебегая через дорогу, это совсем другая история.

И именно ее читал Стивен и его новая знакомая, девушка из книжного магазина, на следующей день в ресторанчике, куда он пригласил ее на ужин. И посетители маленького ресторана слушая, как мужчина тихим голосом читал сказку своей рыжей подружки, думали о том, что они очень давно не

читали сказок и что же там дальше было с лошадью, которая мечтала участвовать в бегах, а вместо этого развозила уголь?

Разные языки

Однажды, две старинные подруги, почтенные матроны дона Софа и дона Хелена вдруг перестали понимать друг друга. Не в переносном, а самом настоящем буквальном смысле этого слова.

Каждое утро старые приятельницы выходили на их общий балкон, чтобы обсудить, где именно у этой «старой гангрены» аптекарши хранится совесть, не просрочено ли чувство долга у молочника и куда дон Алехандро дел свою невесту Сапрансу? Ведь еще вчера ее не любил весь город, а как только почтенные доны, хотя каждая из них была уверена, что пожилой ловелас вздыхает именно по ней, смирились с этой бледной молью Сапрансой, а она уже пропала. И что она, вообще, себе позволяет?

И именно сегодня, когда Сапранса уже три раза прошлась под их балконом, определенно, чтобы показать, что она по-прежнему тут и Алехандро по-прежнему любимый муж и пусть подавятся эти старые мегеры. Дона Софа показала Доне Хелене вниз и выдала возмущенную тираду больше похожую на кошачьи крики и шелест ветра за окном. Судя по бульканью, бляяню и шелесту дождя за окном, Дона Хелена была возмущена тем, что совершенно ничего не понимает.

Обе дамы посмотрели друг на друга, взмахнули руками и

возмущенно загоготали. Потом закудахтали, заохали и вроде бы заговорили на похожем на человеческий, но в тоже время совершенно непонятном языке.

Через полчаса возмущенного «разговора» обе доны, закипая и фыркая, вернулись в свои квартиры.

Мужья были на работах, а дети привычно не обращали внимания на то, что говорят им мамы. Правда доня Софа попыталась возмутиться и что-то сказать, но вместо этого так закаркала, что соседская собака сделала попытку перекреститься, вспомнив, что хозяйка делает так, когда слышит какие-то страшные звуки.

Через некоторое время в двух квартирах дома N в теплом городе B, воцарилась странная и пугливая и удивленная тишина. Сердито гремя кастрюлями и стуча дверцами шкафов, доны собрали детей в школу и вышли вместе с ними, так хлопнув дверями квартир, что весь дом вздрогнул и еле сдержал порыв испуганно заохать и замахать ставнями и дверями.

Доня Софа и Доня Хелена посмотрели друг на друга, с видом военачальников кивнули и разошлись в разные стороны.

В лавке мясника Доня Софа попыталась что-то сказать, но вместо этого выдала серию пугающих звуков, похожих на хрюканье и завывания порывов ветра одновременно.

Испуганно зажав рот руками, она сделала вид, что такая благонравная доня ни в коем случае не может произносить

никаких других звуков кроме как тихого разговора и испуганного, и возмущенного айканья, жестами показала, что именно ей нужно. Из лавки она вышла почти победителем. Единственной ее потерей было полкило говяжьей лопатки, потому что ее не было на витрине, а написать на бумажке дона не догадалась.

Доне Хелене было хуже. Сегодня она должна была присутствовать на чаепитии у родственниц. «Этих глупых куриц, которые даже сказать ничего путного не могут!».

Случайно, прокукарекав на кухне, когда кузина неправильно сыпала заварку в чайник, дона Хелена молчала в течение трех часов, лишь кивая, мотая головой и багровея в ответ на те, или иные реплики. В результате к концу чаепития дона Хеленка вдруг оказалась в числе признанных авторитетов во всем и у нее спрашивали совета и одобрения, а она кивала или отрицательно качала головой с крайне заговорщицким видом.

Потому что настоящая благородная Дона найдет выход из любой ситуации. К концу дня, доны заметили, что мир вокруг них определенно сошел с ума. Дети, сами рассказывали как их дела в школе, а мужья, в ответ на покачивания головой, загадочные взгляды и странные жесты, вдруг, решили, что такой теплый и прекрасный вечер совсем не обязательно говорить о работе, а дети уже достаточно взрослые, чтоб пару часов побыть одним. И вывели свои прекрасные половины

на прогулку. И надо сказать, что каким-то образом, благообразные доны вдруг превратились просто Софию и Хеленку, тех самых что, когда-то, держась за руки, бегали на речку за городом и дразнили соседских парней.

А потом наступило утро.

Утром, традиционно Дона Софа и донна Хелена встретились на балконе.

Дона Софа шумно отхлебнула кофе и показала подруге глазами на Сапрансу, которая шла по двору, высоко подняв голову и одновременно стараясь не смотреть на балкон, где удобно устроились подруги.

Дона Хелена беззвучно хихикнула и показала глазами на дверь за спиной у подруги. Та обернулась и покраснела. Дона Хелена вопросительно приподняла брови. А потом сама не удержалась и закатила глаза. Обе подруги фыркнули.

Еще немного они постояли на балконе, а потом пошли готовить детей в школе.

К их молчаливому удивлению, дети собрались сами и даже не стали спорить, на молчаливый кивок матери на слишком короткую юбку. А молча, пошли и переоделись. Ведь, по сути, две дочери, сын и еще одна дочка были замечательными детьми.

Когда в квартире доны Софы стало тихо, она улыбнулась, заварила себе вторую чашку кофе и, отпив, проговорила,

– Хорошо.

В квартире доны Хелены тоже было тихо. Она налила себе апельсинового сока и не торопясь поставила на конфорку джезvu с кофе.

– Хорошо, – прошептала благородная Дона.

Иногда это все же полезно... Немного помолчать.

Не меньше тысячи рассветов

Свадьбы всегда были для Лизы волшебством, таинством и чем-то еще. Прекрасным, нежным и таинственным. Тем, о чем мечтает каждая девушка и, в глубине души многие мужчины.

Но эта свадьба, та, на которой ей «посчастливилось» побывать была самой ужасной свадьбой из всех о которых она слышала и на которых побывала. Даже несмотря на то, что проходила свадьба в маленьком и уютном городке Италии и что на улице была прекрасная погода, и все действие происходило в очаровательной церквушке, где-то на задворках Венеции. Город, на самом деле, был совсем не таким, каким он снился и мечтался Лизе. Церковь оказалась слишком маленькой и какой-то душноватой, особенно, когда туда набились все гости.

Которых, кстати, тоже было столько, что казалось, будто пол Италии приехало погулять на этой свадьбе. А погода, похоже, тоже решила, что хочет посмотреть свадьбу и устроила на три дня такую удушающую жару, что, кажется, даже стекла плавилась. Наверное, она, таким образом, хотела пожелать молодоженам тепла в семейной жизни или горячей страсти? Кто знает. Но в результате подружки невесты щеголяли стекающими в декольте платьев накрашенными лица-

ми, а жених и невеста мечтали о том, чтобы поскорее снять одежды, и в этих мыслях не было ни капли эротики.

Правда, кое-что в этой свадьбе все же было хорошее и Лиза улыбалась, потому что рядом был брат жених – Анри. Удивительный, уникальный, умопомрачительный и такой что при нем хочется распахивать глаза от счастья и складывать губы в удивленное – «уу». Так и было. Целых два дня во время свадьбы, еще два дня после свадьбы и теперь вот, когда, неожиданно, Анри улетел, а у Лизы впереди было еще два спокойных дня в Венеции, она решила с удовольствием думать о том, как все закончилось. Лиза прислушалась к себе и обнаружила, что разбитое сердце у нее все-таки в наличии. Правда, само сердце, не очень-то соглашалось быть разбитым, все-таки после свадебных гуляний, после всех этих танцев, в солнечной Италии, хотелось просто позавтракать и помолчать.

Потому что, мало где так комфортно молчать, как в Италии.

Лиза смотрела на площадь, пила кофе, удивлялась, зачем она пришла так рано и как она умудрилась найти место, где продавали кофе в такую рань и, одновременно, старалась ни о чем не думать. Если долго и с удовольствием тренироваться, то можно отлично овладеть этим искусством, а ноющее сердце требовало перерыва от впечатлений, слишком уж много было Италии, свадеб, Анри и всего этого.

Слишком много впечатления для человека, который

очень хотел, но не особо верил в романтику.

И тут Лиза увидела дворника. Так себе дворник. Никакой романтики и танцев с метлой на мостовой. Он просто стоял, опираясь на метлу, и смотрел в ту сторону, где лениво гладило крыши домов, просыпающее солнце. Видимо, в утренний ритуал итальянского солнца входило то, что оно обязательно должно кого-нибудь погладить. Поле, крышу дома, или крыши целого города, каждый камешек на мостовой, речную гладь, мост, краешек стола, ступеньки собора, лицо старого дворника, который улыбнулся, словно сытый кот, в ответ на приветствие солнца и продолжил подметать.

Лизе очень захотелось, чтобы солнце погладило и ее, но она сидела на ступеньках собора и не успела встать достаточно быстро и выйти из тени собора, солнце уже занялось каким-то другими, своими делами.

Лиза вздохнула и тут услышала тихий смех.

Смеялся дворник. Не обидно, просто весело, закончив, он подошел ближе и выстрелил в нее длинной фразой на итальянском.

– Простите?

– Разбитое сердце? – переспросил он на английском.

– Да нет. Вроде в порядке, – ответила Лиза и даже приложила руку к тому месту, где под платьем кофтой и слоем анатомии пряталось сердце.

– Но любовь же?

– Любовь. Ко всему.

Дворник согласился, что любовь ко всему и во всем и продолжил подметать площадь. А вечером, когда Лиза нашла ресторан, который ей, наконец-то понравился и собралась там поужинать ее ждал еще один сюрприз. Все тот же дворник, только в дорогом костюме и с приветливой улыбкой вошел в ресторан. Он пообщался с гостями, Луиза поняла, что это то ли его знакомые, то ли просто завсегдатаи, потом с бариста, потрепал по щеке официанта и ушел в какую-то дверь за стойкой.

– А кто это? – спросила она у официанта.

– Это хозяин ресторана. Из оперы пришел, – ответил официант и ушел за заказом Лизы. Девушка дождалась, когда ее знакомый выйдет из неприметной двери, и помахала ему рукой. Ей было очень интересно, почему он, хозяин ресторана, работает еще и дворником.

– О, утреннее разбитое сердце!

– Неправда, мое сердце в порядке!

– Конечно, в порядке. Сердце вообще не бьется, оно очень легко обрастает новыми привязанностями, а старые гонит вон.

Лиза смутилась, когда он поцеловал ей руку, она уже знала, что его зовут Карло Пьертуччи, и он еще и лучший повар Италии в каком-то там году.

– Ты хочешь спросить, почему я подметаю мостовую?

– Да!

– Тогда останься до вечера, нет ты не думай, ничего пло-

хого, хотя такими мыслями ты льстишь старику, я всегда сам гашу свечи на столиках, мы сегодня погасим их вместе, ты мне поможешь навести порядок, а потом мой сын отвезет тебя в отель.

В общем, вечер у Лизы был свободный, а плата за тайну, судя по всему, была не такой уж и высокой. К тому же Карло запретил брать с нее денег за ужин.

И скоро, вечером, когда были погашены свечи, и на кухне, Карло скинув пиджак и засучив рукава сорочки, сам сварил кофе для Лизы, своего сына, двух дочерей и их мужей, и еще двух шумных сеньор, что пришли к нему сегодня, они уселись на высокие стулья и Лизе вдруг показалось, на секунду, что она тоже член этой большой семьи. Это было удивительное чувство. словно ее приняли в члены какого-то тайного общества.

– Так я же должен был рассказать тебе про площадь, прости! – Карло театрально хлопнул себя по лбу.

Лиза хихикнула, уж больно забавно у него вышел этот жест.

– Понимаешь, я уже старый. Мне восемьдесят лет!

– Не очень-то и старый.

– Да ладно тебе, хорошо, не старый. Я кокетничаю, в моем возрасте можно. В прошлом году умерла моя жена. Видишь, мое сердце тоже не разбито. Но ноет. И я обещал жене, что встречу на нашей любимой площади тысячу рассветов. Она

взяла с меня такую клятву. Потому что одинаковых рассветов не бывает, я встречу каждый, запомню их для нее, чтобы потом там наверху, когда я обниму мою любимую жену, рассказать про каждый. Но, когда я встречу тысячу рассветов здесь, то поеду в Верону. Мы там поженились. И там я тоже встречу тысячу рассветов. И тоже их запомню, потом, я могу передохнуть и поехать в любой другой город, но тысячу рассветов тут и тысячу рассветов там я должен запомнить для нее. А то знаешь, мы сорок девять лет вместе. Один год не дотянули до пятидесяти и о чем мы только не говорили. Вдруг там, когда мы встретимся у нас не будет темы для разговора? Тогда я расскажу ей про рассветы, про то, как я подметал улицы и про тебя тоже расскажу, ведь я тебя тоже встретил на рассвете. Видишь, сколько у меня дел?

Лиза кивнула.

Да у Карла были по-настоящему важные дела. И, пожалуй, что сегодня она узнала много нового не только о Венеции и Венецианцах, но еще и о рассветах.

Как закипели страсти

Однажды, в одном доме в Питере, внезапно, закипели страсти. Надо сказать, что они и раньше, лет пятнадцать-двадцать назад, кипели тут, в этом самом дворе, в окружении этих самых домов. В которых жильцы так хорошо успели узнать друг друга, что временами, кажется, пойдешь пить чай к Анастасии Андреевне, а окажешься на кухне у Натальи Сергеевны и какой тут чай, когда на дворе уже стемнело и холодно, а надо еще домой возвращаться по морозу и пять в капель, в кофе, еще никто не отменял.

И чашка переворачивается на блюдце, а там, в разводах кофейного осадка судьба кажется такой загадочной, пенной, страстной, с дорогами, домами и новыми страстями, что и забываешь, зачем все-таки вышла из дома и к кому шла в гости.

Но, со временем, кофе стал менее полезным для здоровья, потом и вовсе его заменили экологически выдержанный и сдержанный, как овсянка в тугом галстуке по утрам, зеленый чай, и пробежки по утрам, что, в общем, не так уж и плохо, хотя бы можно пересчитать бабушек на скамейке и убедиться, что все живы-здоровы. И страсти, еще были, конечно, но так, слегка. Потихоньку. Закипали, но не кипели, так, выки-

пали немного и оставалась от них не пышная пенка, которую можно отмывать вдвоем, а немного грязи и грустная губка для мытья посуды.

А потом... вдруг вот так, видимо, компенсируя отключенное в доме отопление закипели настоящие, как в старые-добрые времена страсти!

И как! Бурно, остро! И все на глазах у консьержки. А уж она-то даже за телефон боялась схватиться, чтобы не пропустить ничего, и остро сама же себе завидуя. А то вон, говорят, что работа консьержки скучная, а у нее-то! У нее в доме кипят страсти.

Первыми, закипели страсти в квартире под самой крышей, где уже давно не росло даже признаков эмоций, зато росла отличная плесень на протекающем потолке. И именно с потолка все и началось.

Рано утром, супруги скажем так... Супруги «занятые с утра до вечера на работе», для краткости просто назовем их Занятые супруги. Проснулись, как всегда, от звонка старого и надежного будильника, жизнь которому спасало то, что он всегда стоял достаточно далеко от кровати, и чтобы его выключить, нужно было вставать и просыпаться, а не только вытягивать руку и нажимать на кнопку. Супруги открыли и глаза и одновременно, так бывает, когда люди уже так давно вместе, что и сами себя не помнят по отдельности, начали думать о работе. Внезапно, Занятая Супруга, увидела пятно

на потоке. Пятно было там так давно, что уже чувствовало себя членом семьи.

Но для Занятой супруги наличие пятна на потолке стало настоящим откровением и той самой мотыгой, бревном и чашкой кофе, которые перевернули ее мир. За завтраком она была неожиданно говорлива и думала совершенно не о работе. Занятый супруг, правда, этого не очень заметил, потому что он-то как раз думал о работе и за двоих, видимо, по закону сохранения энергии.

В этот день Занятая супруга первый раз за последние полгода опоздала на работу. А потом, вечером, устроила мужу отличный повод отвлечься от мыслей о работе в сторону отличного скандала с ремонтным уклоном.

Страсти, закипевшие на верхнем этаже по водостоку спустились на один этаж вниз и там, модная и яркая и в тоже время безмерно одинокая (не смотря на то, что рядом с ней постоянно ошивались какие-то темные, творческие и оттого часто незаметные, но отнюдь не незаменимые личности) Софья Евгеньевна, директор школы, посмотрела в окно и подумала, что давно его не мыла. Потом решила, что и ее жизнь не мешает помыть так же как и окно. А также неплохо бы навести порядок в жизни парочки подруг, которые куксились и кисли так же, и она в непонятном каком вареве непонятно чего. Вообще куда делась их жизнь? В своих собственных

страстях Софья Евгеньевна отлично умела вариться. Проворонив кофе, она решила, что раз сегодня у нее есть просто дела, и нет невероятно сложных дел, то она, пожалуй, останется дома.

Потому что голова болит и печень пошаливает, а может быть, пошаливал боевой дух и болела душа. А когда болят и шалют такие важные части человека, то в школе ему делать нечего. И Софья Евгеньевна, превратившись просто в Софочку, взялась за дело и начала наводить дома порядок.

Потому что мало что так успокаивает и одновременно раздражает, и выматывает, как уборка по дому. Успокоенная была Софочка, а раздражены и выметены: пыль, Кот (на шкаф), неожиданный друг, который решил, что ему можно пожить у Софьи Евгеньевны потому что он весь из себя такой прекрасный, а мир этого не понимает, и пару коробок ненужных вещей, которые Софочка принесла вниз и поставила у консьержки и там же она увидела, старого друга и нового соседа, которого давно не видела, но, если честно частенько мечтала увидеть, чтобы просто так и без брони рабочих будней и ненужных «творческих личностей» под ручкой.

И тут уже пошли совсем другие страсти, о которых, возможно и расскажет консьержка, но имейте в виду, большую часть – она придумала. Кажется, при найме на работу на должность консьержа, вместе с трудовой книжкой и пропис-

кой требуют предъявить фантазию и чемодан, куда будут складывать сплетни, а как же иначе?

Страсти, кипевшие больше в области наведения порядка и ремонта в жизни, спустились дошли до соседки Софьи Евгеньевны – дамы во всех областях положительной и порядочной, матери троих детей и, ко всему прочему, носящей удивительное имя – Гармонии.

Гармония с утра, видимо, учуяв в воздухе перемены, находилась в полной дисгармонии. А точнее она не могла найти себя. Правда, для того чтобы начать поиски, Гармонии пришлось сначала проводить мужа и двоих старших детей с ним, в школу, потом, переодеть и уложить на досып младшего, позвонить маме и бабушке, чтобы спросить как их здоровье, убраться, запустить стирку, приготовить завтрак и только потом, заглянув в себя обнаружить, что ее-то как таковой там и нет. Зато есть пара потерянных носков, сломанный карниз, волнение за детей и очередная ссора-спор с мамой и бабушкой, которые совершенно точно знали о жизни Гармонии и мире вокруг гораздо больше самой Гармонии и спешили донести это знание до женщины...

Гармония, к ее чести, не поддавалась разлитым в воздухе страстям. Она подумала, что нужно сделать и пока думала, сходила в магазин, погуляла с младшим в парке. Спасла младшего от лужи и воробья, а потом чью-то собаку и красивые колготы на не менее красивых ногах от младшего, в общем, была достаточно занята для того, чтобы поддаваться

страстям поисков себя.

А потом пришла домой, накормила всех детей, и в первый раз в жизни перепутала, попытавшись уложить спать старших заставить делать уроки младшего. Потеряла два комплекта школьной формы, которая просто висела в другом шкафу и окончательно запуталась в том, у кого-как зовут классного руководителя (такое иногда бывает).

В ужасе, Гармония услышала внутри себя торжествующие голоса мамы и бабушки и попыталась спрятаться в ванной решив, что она плохая мать. Ужасная, ужасная, ужасная!

Гармония схватилась за голову и приготовилась как следует, минут пятнадцать-двадцать паниковать, но тут ей позвонил муж, чтобы спросить, как дела и все ли в порядке.

– Конечно, все хорошо, спим, обедаем и делаем уроки, – проворковала спокойным голосом Гармония, пытаясь выпутать вторую руку их своей прически, так, как только что, эта самая рука, пыталась заняться паническим выдиранием волос.

– То есть все плохо? – уточнил муж, который очень, даже слишком хорошо, знал свою жену.

– Нет, все спокойно. Просто я тут навела небольшой хаос, вот убираюсь, – не поддавалась на провокацию Гармония.

– Я скоро приеду, – пообещал муж, поняв, что нужно спасать. Притом всех. Гармония запаниковала еще сильнее. Все вокруг, мамы, бабушки, консьержка, Соседи и умные книж-

ки твердили, что мужчины не должны видеть жен в таком состоянии. И что дома должен быть порядок и гармония (возможно, что Гармония просто читала не те книги, как и ее бабушка и мама...).

Но тут, как обычно, начали звонить все телефоны, дети каким-то образом из троих детей превратились в сто пятьдесят сердитых осьминогов, которые умудрялись передвигать и перемешивать все, что было в квартире. Гармония прикусила указательный палец и тут же позвонили в дверь.

Гармония открыла дверь и обнаружила там, прямо под дверью кота крайне бандитской наружности, который был каким-то образом утрамбован в переноску, и судя по его выражению лица на морде, когда Кот выберется не поздоровиться никому, а не прямо под дверью, а уже почти на улице Гармония услышала чей-то топот и, кажется, звуки затихающей молитвы.

Значит, консьержка ушла на обед, а в подъезд просочился кто-то посторонний.

– Ой, киса! – Гармония не успела ничего сказать, как детские руки втащили переноску в квартиру и освободили Кота. Кот оказался еще хуже, чем было видно в переноске. Он явно хотел убивать он ненавидел весь мир и не знал слова «гармония». Но внезапно глаза животного, который пока сидел в

переноске, и только готовился к прыжку на занавески, и глаза Гармонии, которая тоже была не прочь залезть на занавеску, но совсем по другой причине встретились. Может быть, женщине показалось, но Кот совсем по-человечески вздохнул, окончательно выпихнул себя из переноски, чтобы нелегко, потому что Кот был гораздо больше переноски. Пошевелил обрубок хвоста, явно откушенного в драке, потянулся и, опустив голову, тут же превратился в «Кису», позволив себя тискать и таскать за все лапы, пока Гармония наводила в доме порядок. Впечатленная храбростью кота, женщина вихрем пронеслась по квартире, найдя и убрав все, что было неубранное и потеряно. После этого она проверила всех детей и входящие в комплектацию уроки, одежду, школьные дела, памперсы и косички. Потом отобрала у детей Кота и позвонила маме и бабушке, чтобы второй раз за день спросить, как их дела, она же хорошая внучка и дочь.

И к приезду мужа, который, честно старался быть дома как можно раньше, Гармония и обессиливший Кот сидели на кухне, пили кофе (Гармония из чашки, кот – из блюдца) и в доме была полная Гармония.

Муж, который устал на работе и волновался за дом, не сразу понял, что случилось и только когда попытался поцеловать Кота в макушку, понял, что жена, которая и подсунула ему этого Кота, что-то ему показывает и смеется.

После этого они решили отправить Маму и Бабушку на

Майорку, чтобы те отдохнули от проблем Гармонии, о которых они ничего не знали, но постоянно волновались.

Потом, неожиданно в дом приехали сразу две новые семьи, которые, то ли раньше здесь жили, то ли собирались жить.

Потом, откуда-то прибежали счастливая Зина со второго этажа, и Игорь с восьмого и они так многозначительно смотрели друг на друга и улыбались, что консьержка тут же мысленно развесила по подъезду свадебные шары и гирлянды и сама же обиделась на всех, потому что всю это свадебную мишуру утром придется убирать ей.

На этом, Страсти подумывали, чтобы пора бы взять перерыв и не кипеть дальше, но наступила длинная ночь, во время которой они успели побывать практически во всех оставшихся квартирах принеся с собой несколько споров, два порядка и один бардак, много ненужных или, наоборот, очень нужных мыслей и, с чувством выполненного долга, предварительно постучав в окно консьержке и разбудив ее, Страсти, хихикнув, напоследок, удалились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.